

ОЛИВИЯ МЭННИНГ
величайшее благо
балканская трилогия

**«Балканская трилогия»
предлагает совершенно
особый взгляд
на историю, и в этом,
возможно, ее величие.**

Рейчел Каск

ad marginem

Балканская трилогия

Оливия Мэннинг

Величайшее благо

«Ад Маргинем Пресс»

1960

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

Мэннинг О.

Величайшее благо / О. Мэннинг — «Ад Маргинем Пресс»,
1960 — (Балканская трилогия)

ISBN 978-5-91103-646-1

Осенью 1939 года, через несколько недель после вторжения Германии в Польшу, английские молодожены Гай и Гарриет Прингл приезжают в Бухарест, известный тогда как «восточный Париж». Жители этого многоликого города, погруженного в неопределенность войны и политической нестабильности, цепляются за яркую повседневную жизнь, пока Румынию и остальную Европу охватывает хаос. Тем временем Гарриет начинает по-настоящему узнавать своего мужа, университетского профессора-экстраверта, сразу включившегося в оживленное общение с множеством людей, и пытается найти свое место в своеобразной компании чопорных дипломатов, богатых дам, соблазнительных плутов и карьеристов. Основанная на личном опыте автора, эта книга стала началом знаменитой «Балканской трилогии», благодаря которой Оливия Мэннинг вошла в историю литературы XX века. Достоверное воссоздание исторических обстоятельств, широкая палитра характеров, тонкий юмор – всё это делает «Величайшее благо» одним из лучших европейских романов о Второй мировой войне.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-91103-646-1

© Мэннинг О., 1960
© Ад Маргинем Пресс, 1960

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	11
3	16
4	34
5	41
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Оливия Мэннинг Величайшее благо

Посвящается Джонни и Джерри Слэттери

THE GREAT FORTUNE © Olivia Manning, 1960

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

Часть первая Ликвидация

1

Неподалеку от Венеции Гай заговорил с грузным пожилым беженцем из Германии, который направлялся в Триест. Гай спрашивал, беженец с готовностью отвечал. Когда поезд остановился, никто из них, кажется, не заметил этого. Недавно начавшаяся война принесла с собой такой хаос, что поезд то и дело останавливался. Гарриет выглянула в окно и увидела чернеющие на фоне сумеречного неба столбы, на которых лежал верхний рельс. Между столбами копошилась какая-то парочка, и в пятно света, падающего из окна вагона, попадала то чья-то нога, то локоть. За столбами мерцала вода, в которой отражались фосфоресцирующие шары, освещавшие рельс.

Когда поезд неожиданно двинулся прочь, в темноту, оставляя позади влюбленную парочку и мерцающую воду, Гарриет подумала: «Теперь может случиться всё что угодно».

Гай и беженец по-прежнему были полностью поглощены разговором. Чувствуя симпатию со стороны Гая, беженец придвинулся к нему, так что теперь сидел на самом краешке кресла. Он размахивал руками, а Гай слушал его с тревожным вниманием и почти восторженно кивал, словно показывая, что именно это ожидал услышать.

– Что он говорит? – спросила Гарриет, которая не знала немецкого.

Гай махнул ей, чтобы не перебивала. Он всецело сосредоточился на собеседнике, а тот несколько раз оглядывался на других пассажиров с воинственным видом, словно говоря: «Да, я свободный человек и имею право слова!»

Поезд вновь остановился: пришел контролер. Беженец встал и принялся рыться во внутреннем кармане висевшей рядом шинели. Вдруг он замер, затем полез во внешний карман. Ничего там не обнаружив, он проверил следующий карман, а за ним и все остальные. Затем, тяжело дыша, он принялся выворачивать карманы пиджака и брюк, а потом снова схватился за шинель.

Гай и Гарриет Прингл встревоженно наблюдали за соседом. Он побелел, щеки запали, как у старика. От всех этих усилий он взмок, руки его тряслись. Когда он вновь принялся рыться в карманах пиджака, голова его подергивалась, а глаза бегали.

– Что случилось? – спросил Гай. – Что вы потеряли?

– Всё. Всё.

– Билет?

– Да, – выдохнул беженец. – Бумажник, паспорт, деньги, удостоверение... Виза, виза!

Голос его дрогнул. Прекратив поиски, он попытался успокоиться. Он сжал кулаки и воздел их к небу, словно не веря в случившееся.

– Может, за подкладкой? – спросила Гарриет. – Документы могли завалиться за подкладку.

Гай кое-как перевел ее слова. Сосед чуть не разрыдался – так потрясла его эта мысль. Он судорожно начал ощупывать подкладку шинели – но впустую.

Остальные пассажиры, наблюдая за ним с равнодушным интересом, показывали свои билеты контролеру. Когда проверка подошла к концу, контролер подошел к беженцу с таким видом, словно не замечал, что с ним творилось.

Гай объяснил, что его попутчик потерял билет. Кое-кто из соседей забормотал что-то утвердительное. Контролер молча перевел взгляд на служащих, которые стояли в коридоре, и один из них двинулся за подкреплением, тогда как второй остался караулить у двери.

– У него ни гроша при себе, – сказал Гай жене. – Что бы ему дать?

Они направлялись в Бухарест. Им не разрешили взять с собой в Румынию деньги, и у них при себе почти ничего не было. Гарриет вытащила банкноту в тысячу франков. У Гая обнаружилось три английских фунта. Беженец даже не посмотрел на предлагаемые деньги. Он снова принялся рыться в карманах, словно надеясь, что бумажник вдруг вернулся туда, и не обращая внимания на людей, собравшихся у двери. Когда его тронули за рукав, он нетерпеливо обернулся. Его пригласили пройти.

Он подхватил шинель и сумку. Лицо его уже вернуло свои обычные краски, но было начисто лишено выражения. Когда Гай протянул ему деньги, беженец молча их взял.

– Что теперь с ним будет? – спросил Гай, когда их соседа увели. Он выглядел беспомощным и печальным и хмурился, словно послушный ребенок, у которого отобрали любимую игрушку.

Гарриет покачала головой. На этот вопрос не мог ответить никто. Впрочем, никто и не пытался.

Предыдущий день они провели на привычной земле – пусть даже Восточный экспресс и не соблюдал расписание. Гарриет наблюдала, как мимо окон плывут виноградники, залитые августовским солнцем. В жарком воздухе разворачивалась скомканная жирная бумага из-под бутербродов, под сиденьями катались пустые бутылки из-под минеральной воды. Поезд остановился, но начальника станции было не видеть. Под окнами не толпились носильщики. Репродукторы на пустынной платформе перечисляли номера солдат запаса, которых призывали в их полки. Монотонность этих объявлений как бы приравнивала их к тишине: сквозь них слышалось жужжание пчел, чириканье птиц. Где-то вдалеке пропел гвардейский рожок: так бывает, когда в сон вторгаются звуки окружающего мира. Поезд собрался с силами и протащился еще несколько миль, после чего снова замер под звуки всё того же голоса, выкликавшего один номер за другим.

Во Франции они были среди своих. Теперь же путь лежал через Италию, которая казалась пределом известного мира. На следующее утро они проснулись на словенской равнине. Весь день мимо них проплывали однообразные сцены пахоты, бурые посевы и поля со стогами под тяжелым небом. Каждые полмили или около того попадалась крестьянская хижина величиной с сарай, рядом – овощные грядки и крупные плосколицые подсолнухи. Крестьяне толпились на станциях, словно слепые. Гарриет попыталась улыбнуться одному из них, но ответной реакции не получила. Непогода и горе высекли на худом лице маску застывшего отчаяния.

Гай путешествовал этим маршрутом уже во второй раз и теперь полностью погрузился в книги. Близорукость не позволяла ему любоваться пейзажами, и к тому же ему надо было готовиться к лекциям. Он уже второй год преподавал на английской кафедре Бухарестского университета. С Гарриет они познакомились и поженились во время летних каникул.

Поскольку денег у них оставалось только на один прием пищи, Гарриет решила, что это должен быть ужин. Весь день, не прерываемый ни завтраком, ни обедом, ни чаем, голод мрачно стелился по словенским равнинам. Наступили сумерки, потом стемнело, и тут наконец пришел официант, позвякивающий колокольчиком. Принглы первыми пришли в вагон-ресторан. Обстановка там была обычная, еда оказалась вкусной, но ближе к концу трапезы старший официант вдруг запаниковал. На столах стояли корзины с фруктами. Он растолкал их, чтобы разложить счета, и потребовал немедленно заплатить. В довольно высокую стоимость ужина входил кофе. Когда кто-то потребовал кофе, официант отмахнулся: «Позже!» – и продолжил торопливо давать сдачу. Один из пассажиров сказал, что не заплатит, пока ему не принесут кофе.

Официант ответил, что кофе не будет, пока все не расплатятся. Он приглядывал за теми, кто не успел заплатить, словно опасаясь, что они сбегут.

В конце концов все заплатили. Поезд остановился. Они прибыли к границе. Принесли слишком горячий кофе, и тут же в ресторан вошел чиновник и приказал всем покинуть вагон, так как его сейчас отцепят. Кто-то из пассажиров отхлебнул раскаленный кофе, вскрикнул и выронил чашку. Кто-то требовал объяснить, почему вагон отцепляют. Официант объяснил, что этот вагон принадлежит Югославской железной дороге, а в это беспокойное время ни одна здравомыслящая страна не позволит своему транспорту пересекать границу. Пассажиров вытолкали прочь, все кричали что-то на полудюжине языков одновременно. Война была позабыта.

Пограничники лениво прошагали по коридорам. Когда эта процедура была окончена, поезд встал на крохотной станции. Через окна потек холодный осенний воздух, пахнувший соломой.

В купе уже расстелили постели, и Гай что-то писал в блокноте. Стоя в коридоре, Гарриет пыталась разглядеть в окно приграничную деревню. Сложно было даже понять, есть ли там деревня. Тьма казалась пустой, словно космос, но в центре ее, подобно Солнцу, сияла ярмарочная площадь. С нее не доносилось ни звука. Колесо обозрения медленно вращалось, подымая в небо пустые кабинки в форме лодок.

Прямо перед окном простиралась платформа, освещенная тремя слабыми лампочками, свисавшими с провода. Под дальней были люди: необычайно худой высокий мужчина, с плеча которого, словно с дверной ручки, свисало длинное пальто, а вокруг него суетились пятеро низкорослых человечков в униформе. Они уговаривали его пройти. Худой человек был встревожен и напоминал пугливое голенастое животное, окруженное сворой терьеров. Каждые несколько ярдов он останавливался и начинал протестовать, а те кружили вокруг и жестикулировали, понукая его продолжать движение. Так эта процессия добралась до вагона, из которого за ними наблюдала Гарриет. В одной руке у высокого мужчины был крокодиловый несессер, в другой – британский паспорт. Один из пятерых, носильщик, тащил два больших чемодана.

– Якимов, – повторял высокий. – Князь Якимов. Господин! – вдруг возопил он. – Господин!

– Да, да, – затараторили остальные. – *Добо, господин.*

Его длинное, странное лицо выражало печаль и смирение. Он позволил увлечь себя к началу состава, где его торопливо запихнули в вагон, как будто поезд должен был вот-вот тронуться.

Мужчины в униформе разбежались. Платформа опустела. Поезд стоял еще около получаса, потом медленно запыхтел через границу.

Когда в поезд зашли румынские чиновники, атмосфера изменилась. Теперь преимущество было на стороне румынских пассажиров, которые составляли большинство. Крепкие, низкорослые румынки, ранее державшиеся незаметно, теперь уверенно расхаживали по спальному вагону и болтали по-французски. Все они ликовали оттого, что в целости и сохранности пересекли границу своей страны. Говоря с пограничниками, они восторженно ахали, а те снисходительно улыбались. Когда Гай вышел из купе с паспортами, одна из женщин узнала в нем *профессора*, который учил ее сына английскому. Он ответил ей по-румынски, и женщины сгрудились вокруг него, восхищаясь беглостью его румынского и верным произношением.

– Да вы просто идеал! – сказала одна из них.

Гай, раскрасневшись от всеобщего внимания, ответил ей по-румынски, и женщины разразились бурным ликованием.

Гарриет не понимала ни слова из того, что говорили эти женщины; она улыбалась всеобщему веселью, притворяясь, что принимает в нем участие. Она заметила, что Гай словно опьянел и протянул руки к этим незнакомым женщинам, будто желая обнять их всех.

Со свадьбы Принглов не прошло и недели. Хотя Гарриет готова была заявить, что знает о муже всё, что нужно, теперь ей вдруг пришло в голову, что на самом деле, возможно, она не знает о нем ничего.

Когда поезд тронулся, женщины разошлись, а Гай вернулся в купе. Гарриет еще посто- яла у окна, наблюдая, как на фоне темного, беззвездного неба вздымаются эбеновые горы. К рельсам подступал сосновый лес, и падающий из окон свет выхватывал из темноты деревья. В самом сердце лесного мрака двигались какие-то мелкие огоньки. Вдруг к рельсам подбежала серая собака и тут же скрылась в чаще. Это глаза животных сверкают в темноте, поняла Гар- риет. Она закрыла окно.

Когда она вошла в купе, Гай поднял взгляд и спросил:

– Всё в порядке? – Он взял ее заледеневшие руки в свои и потер, чтобы согреть. – Обезьянкины лапки.

– Я люблю тебя, – сказала она, ощущая, как ей передается его тепло. Раньше она такого не говорила.

Казалось бы, такое признание должно было быть встречено восторгом, но Гай воспринял его спокойно.

– Я знаю, – сказал он и, сжав ей пальцы напоследок, вернулся к книге.

2

Прибыв на главный вокзал, Якимов оттащил свою поклажу в камеру хранения. В каждой руке у него было по чемодану, под мышкой зажат крокодиловый несессер. С левого плеча свисало подбитое соболем пальто. Носильщики – на каждого пассажира приходилось по доброй дюжине – провожали его ошеломленными взглядами. Его бы наверняка ограбили, если бы его рассеянный, спокойный взгляд, витавший над толпой, не создавал впечатления полной недостижимости.

Несессер чуть не выскользнул, и один из носильщиков дернулся в его сторону. Якимов ловко обогнул его и продолжил свой путь: плечи сгорблены, пальто метет грязную платформу, клетчатый костюм и желтый кардиган обвисли и болтаются, словно на вешалке. В поезде он сменил рубашку на чистую, но прочая одежда уже пообносилась. Галстук, который много лет назад выбрала Долли за «ангельский голубой» цвет, был так заляпан едой, что вовсе утратил какой-либо цвет. Всем своим отстраненным, дружелюбным видом – жидкие светлые волосы, изящный узкий нос с неожиданно широкими ноздрями, узкие клоунские губы – Якимов напоминал жирафа. На голову он водрузил потертую клетчатую кепку. Дополнительной печали его облику придавал тот факт, что он не ел уже сорок восемь часов.

Он сдал чемоданы в камеру хранения, а крокодиловый несессер, в котором хранились грязная сорочка, британский паспорт и квитанция на его автомобиль марки «Испано-Сюиза»¹, оставил при себе. Когда югославские чиновники на границе изъяли автомобиль за долги, у него хватило денег только на билет третьим классом до Бухареста. После приобретения билета у него осталось всего несколько монет.

Выйдя из здания вокзала, он угодил напрямик в хаос уличного базара, где с наступлением сумерек зажгли факелы. От носильщиков удалось избавиться, но теперь перед ним столпились попрошайки. Почувствовав в воздухе первые признаки осенней свежести, он решил всё же надеть пальто и сумел кое-как натянуть его, держа при этом несессер вне досягаемости чумазных детей.

Он огляделся. Став изгнанником (по собственному выражению) в нескольких столицах, теперь он достиг края Европы, где уже пахло Востоком. Прибывая в очередную столицу, он обычно направлялся в британское посольство, где непременно встречал какого-нибудь знакомого из прошлого. Здесь же, по слухам, культурным атташе служил его приятель и даже должник: он был на одной из роскошных вечеринок, которые они с Долли закатывали в былые времена. Если приехать в миссию на такси, Добсон, возможно, даже заплатит за него. Но если Добсона там уже нет, а желающих заплатить не обнаружится, придется иметь дело с таксистом. Он впервые в жизни решил не рисковать. Стоя посреди попрошаек в своем дорогом пальто, которое болталось на нем, словно палатка, он тихо вздохнул и подумал: «Бедный Яки уже не мальчик».

Один из таксистов распахнул перед ним дверь автомобиля. Якимов потряс головой и спросил, как добраться до британского посольства, – по-итальянски, поскольку ему сказали, что этот язык ничем не отличается от румынского. Водитель жестом пригласил его садиться. Якимов вновь отказался. Таксист гневно ощерился и принялся ковырять в зубах.

– *La legazione britannica, per piacere*².

Чтобы избавиться от него, водитель махнул куда-то себе за плечо:

¹ «Испано-Сюиза» (*La Hispano-Suiza*) – испанская автомобильная компания первой половины XX века, производившая роскошные автомобили. – *Здесь и далее – примечания переводчика.*

² К британской миссии, пожалуйста (*итал.*).

– Grazie tanto³, дорогой.

Закутавшись поплотнее в пальто, Якимов зашагал по улице, которая выглядела словно туннель, ведущий в пучины отчаяния.

Солнечный свет угасал. Якимов уже начал сомневаться в правильности маршрута, но статуя на очередном перекрестке вроде бы подтвердила, что он шагает в нужном направлении: памятник в роскошных боярских одеждах и тюрбане размером с тыкву указывал направо.

Город вокруг снова ожил. На тротуарах толпились низкорослые люди с портфелями, все на одно лицо. Якимов распознал в них мелких чиновников и бедных клерков – первое поколение, пытающееся вырваться из крестьянства, – которые после двенадцатичасового рабочего дня стремились домой, к ужину. Он позавидовал им. Рядом остановился трамвай, и толпа принялась безжалостно пихать его то в одну, то в другую сторону, но он продолжал путь, безразлично возвышаясь над прохожими.

В одной из витрин были выставлены банки с джемоподобной жидкостью, в которой плавали прозрачные персики и абрикосы. Свет пронизывал их насквозь. Глядя на засахаренные фрукты, золотисто сияющие в ледяных синих сумерках, он прослезился. Женщина с корзиной для покупок грубо толкнула его.

Он перешел перекресток. Вокруг бряцали и звенели набитые пассажирами трамваи. Оказавшись на другой стороне, он зашагал по уходящей вниз улочке, где толпа поредела и изменилась. Теперь мимо проходили крестьяне в фризových⁴ одеждах, изможденные апатичные мужчины в каракулевых шапках и ортодоксальные евреи с пейсами, обрамлявшими зеленоватые лица, давно не видевшие свежего воздуха.

Ветер принес с собой прогорклый запах, который осел в горле, словно первый предвестник морской болезни. Якимов забеспокоился. Обстановка вокруг никак не предполагала скорейшего появления британской миссии.

Улица разветвилась, и Якимов выбрал самый широкий из отростков. В витринах тут были выставлены всякие мелочи для шитья: конский волос, брезент, галуны, готовые карманы, зажимы, пряжки, наборы пуговиц, катушки ниток, рулоны подкладочной ткани. Кому это может быть нужно? В поисках еды он свернул в проход, где зловонную атмосферу квартала вытеснил влажный запах распаренной ткани. В освещенных газом комнатухах перед запотевшими окнами, словно рыбы в аквариумах, мужчины стучали утюгами, которые с шипением изрыгали пар. Проход уткнулся в тесную площадь, на которой сидело столько корзишников, что казалось, будто увивающий балконы плющ растет прямо из корзишничьих джунглей внизу. При виде Якимова мужчина, который до этого стоял под единственным фонарем и курил сигарету, выпрямился, отбросил окурки и заговорил, указывая на окружавшие их колыбельки, корзины и клетки.

Якимов спросил, как пройти к британской миссии. Вместо ответа мужчина вытащил из кучи дюжину корзишничьих, связанных веревкой, и принялся их отвязывать. Якимов ускользнул в соседний переулок и вышел к набережной. Это казалось более перспективным, ведь река обычно проходит через центр города. Однако, подойдя поближе к ржавому поручню, окаймлявшему берег, он увидел мутный ручеек, текущий между двумя крутыми глиняными откосами. На обоих берегах стояли некогда роскошные, но теперь обветшалые дома, там и тут на окнах виднелись оттоманские решетки – следы былой империи. На штукатурке кое-где сохранились следы краски, и под светом фонарей были видны бледно-серые или кроваво-красные пятна.

В домах на том берегу, где стоял Якимов, первые этажи переделали под магазины и кафе. В окнах висели надписи «Restaurantul» и «Cafea». В одном из дверных проемов бисерная занавеска

³ Большое спасибо (*итал.*).

⁴ Фриз – грубая шерстяная ткань.

веска была предупредительно отодвинута, и Якимову пришлось вытерпеть зрелище человека, поедающего луковый суп. С ложки свисали нити растаявшего сыра, на поверхности бульона плавали сырная стружка и наломанные гренки.

Он двинулся дальше. За окнами виднелись засиженные мухами зеркала, грубые стулья, столы с грязными бумажными скатертями. В воздухе стоял жирный кухонный запах. Он снова понял, что изменился: раньше ему не раз доводилось наесться досыта, а потом отболтаться, чтобы не платить. В другой части города он, может, и попробовал бы провернуть подобное, но здесь ему было страшно.

Он шел от двери к двери, пока вдруг не ощутил густой запах жареного мяса. Рот наполнился слюной. Его потянуло к источнику запаха – мангалу, на котором крестьянин жарил кусочки мяса. Покупатели-крестьяне столпились на почтительном расстоянии, уставившись на еду и иногда переглядываясь в напряженном, мрачном ожидании. Повар явно осознавал собственную важность и выдавал мясо с таким видом, словно вручал орден. Тот, чья очередь подошла, с недоверчивым видом брал свою порцию, расплачивался и скрывался в тени, чтобы съесть ее в одиночестве.

Увидев, как эта сцена повторилась несколько раз, Якимов достал из кармана монеты и разложил их на ладони: несколько *лир*, *филлер* и *пара*⁵. Повар осмотрел их и выбрал самую крупную венгерскую монету, после чего передал Якимову кусок мяса. Подобно остальным, Якимов отошел в сторону. Вкус сбил его с толку, и он проглотил еду слишком быстро. На один дивный миг мясо было здесь – и вот его не стало. Остался лишь вкус, задержавшийся на давно не чищенных зубах. Этот прекрасный вкус придал ему сил снова спросить дорогу.

Якимов вернулся к мангалу и обратился к крестьянину, который выглядел чуть живее остальных. Тот не ответил и даже не поднял взгляда, а вместо этого стал оглядываться по сторонам, словно пытаясь понять, откуда исходит шум. Мелкий смуглый цыган презрительно оттолкнул крестьянина и обратился к Якимову по-английски:

- Чего вы ищете?
- Я ищу британскую миссию.
- Это не здесь. Совсем не здесь.
- Где же?
- Далеко. Надо ехать.
- Скажите, где это. Я дойду.
- Нет-нет. Слишком далеко. Слишком тяжело.

Цыган резко отвернулся и отошел к мангалу, откуда недовольно уставился на Якимова.

Якимов устал. Пальто тяжело и жарко висело у него на плечах. Он гадал, удастся ли найти ночлег, пообещав, как обычно, заплатить назавтра.

Набережная расширилась в широкое мощеное пространство, по которому гулял ветер, швыряющий ему в лицо перья. На дальней стороне, у дороги, стояли ящики с птицами. Это, видимо, и был птичий рынок – источник всепроникающей вони.

Он подошел к ящикам и снял один, чтобы получилось что-то вроде кресла, после чего уселся, защитившись таким образом от ветра. Жилистые балканские куры некоторое время ворочались и квохтали, после чего снова заснули. Где-то на рынке часы проббили девять – значит, он пробродил около двух часов. Он вздохнул. Хрупкое тело отяжелело и не желало двигаться. Засунув несессер поглубже между ящиками, он подтянул ноги и заснул.

Проснувшись от визга автомобильных тормозов, он пробормотал: «Несусветная рань, дорогой мой» – и попытался повернуться на другой бок. Колени уперлись в проволочную сетку на курином ящике. Судороги в членах окончательно разбудили его, и он привстал, чтобы посмотреть, кто это разъезжался тут до рассвета. По центру дороги, виляя, двигался караван

⁵ Лира, филлер, пара – названия турецких и венгерских денег.

грязных грузовиков. Один из них съехал к обочине, и Якимов испуганно отскочил. Автомобиль выровнялся и поехал дальше. Якимов потрясенно глядел ему вслед, тем более удивленный, что сам он правил машиной вдохновенно и искусно.

За грузовиками тянулась кажущаяся бесконечной вереница легковых автомобилей – грязно-серых и бесформенных, поскольку все они были обвязаны матрасами. Ветровые стекла потрескались, капоты и крылья исцарапаны. Пассажиры – мужчины, женщины, дети – спали, а водители клевали носом.

Кто это? Откуда они приехали? Мучимый болью, голодом и непривычно ранним пробуждением, Якимов даже не пытался ответить на эти вопросы. Но куда они направляются? В той стороне, куда ехали автомобили, высились бетонные здания, перламутрово поблескивающие на фоне розовых и голубых рассветных красок. Маяки цивилизации. Якимов двинулся вслед за автомобилями.

Через пару миль он вышел на главную площадь. Солнце, подымаясь над крышами, осветило брусчатку. Памятник, тяжело усевшийся на чересчур массивную лошадь, салютовал, очевидно, королевскому дворцу, длинному и серому. По бокам дворца рабочие привинчивали к лесам фрагменты готового классического фасада. Остальную площадь, судя по всему, сносили. Якимов перешел на солнечную сторону площади, где стояло белое здание в стиле модерн. Его вывеска гласила: «Гостиница „Атенеум“». Вокруг стояли автомобили. Лишь немногие пассажиры проснулись, остальные спали; лица у них были бледные и мрачные. У некоторых виднелись неумело наложенные бинты. Сиденья одного из автомобилей были выпачканы кровью.

Преодолев вращающуюся дверь, Якимов оказался в мраморном зале, залитом светом хрустальных люстр. Тут же кто-то окликнул его:

– Якимов!

Он вздрогнул. Его уже много дней никто так не приветствовал. Увидев, что это журналист по имени Маккенн, который ранее при встрече в будапештских барах поворачивался к нему спиной, он заподозрил недоброе. Маккенн лежал на диване у входа в вестибюль, а какой-то мужчина в черном костюме срезал пропитанный кровью рукав его рубашки, прилипший к коже.

– Что случилось, дорогой мой? – встревоженно спросил Якимов. – Могу ли я вам чем-то помочь?

– Можете. Я вот уже полчаса пытаюсь добиться, чтобы эти тупицы нашли мне хоть кого-нибудь, кто говорит по-английски.

Якимов с радостью бы сел рядом с Маккенном, поскольку чувствовал себя немногим лучше любого раненого, но на второй половине дивана спала какая-то смуглая красавица, изможденная и очень грязная.

Участливо склоняясь к Маккенну, Якимов втайне надеялся, что журналист не попросит его о чем-нибудь обременительном.

– Вот, держите. – Неловко покопавшись в кармане лежащего рядом пиджака, Маккенн вручил ему несколько вырванных из блокнота листов. – Опубликуйте, тут вся история.

– В самом деле! Что за история?

– Ну как же, раздел Польши, капитуляция Гданьска, побег парламента, немецкое наступление на Варшаву, беженцы покидают город, я вместе с ними. Автомобили обстреливают с неба, убивают и ранят мужчин, женщин и детей, трупы хоронят на обочине. Потрясающий материал, всё из первых рук, надо напечатать, пока он свежий. Забирайте.

– Но как же мне его напечатать?

Перед лицом такой непосильной задачи Якимову захотелось сбежать.

– Позвоните в наше женевское агентство и продиктуйте. Да с этим и ребенок справится.

– Не выйдет, дорогой мой. У меня нет ни гроша.

– Так позвоните за счет абонента.

– Ну кто же мне позволит... – Якимов сделал шаг назад. – Меня тут никто не знает. Я не знаю языка. Я такой же беженец, как и вы.

– И откуда вы бежали?

Прежде чем Якимов успел ответить, в дверях появился человек, в движениях которого была та резкость, которую порой дает крайнее измождение. Он кинулся к Маккенну.

– Где рыжий мужчина, который был у вас в автомобиле?

– Умер, – ответил Маккенн.

– А где шарф, который я ему дал? Большой синий шарф.

– Бог знает. Под землей, наверное. Мы закопали его под Люблином, можете вернуться и поискать.

– Закопали шарф! Вы что, с ума сошли?

– Пошел прочь! – рявкнул Маккенн. Человек бросился к стене и принялся дубасить по ней кулаками.

Воспользовавшись этой паузой, Якимов начал отодвигаться. Маккенн ухватил его за полу пальто:

– Ради бога, вернитесь! Мерзавец! Я лишился руки, с пульей в ребрах, мне запрещают вставать, возьмите текст! Отправьте его, слышите? Вы обязаны!

– Я уже три дня ничего не ел, – простонал Якимов. – Бедный старый Яки сейчас упадет в обморок. Ноги его уже не держат.

– Стойте!

Еще раз нетерпеливо порывшись в кармане, Маккенн достал журналистское удостоверение.

– Возьмите. Поешьте тут. Можете выпить. Возьмите номер. Делайте всё что угодно, только сначала отправьте текст.

Взяв удостоверение и глядя на измятую фотографию Маккенна, Якимов ощутил, как к нему медленно возвращается жизнь.

– Вы хотите сказать, что мне дадут кредит?

– Неограниченный. Так положено. Если будете работать на меня, осел вы этакий, можете есть и пить сколько вашей душе угодно.

– Дорогой! – выдохнул Якимов и кротко улыбнулся. – Прошу вас, объясните еще раз, и помедленнее, что именно нужно сделать.

3

Супруги поселились в маленькой гостинице на площади напротив «Атенеума». Из окна открывался вид на руины. На рассвете следующего дня после приезда их разбудил грохот рушащихся стен. Вечером, ожидая Гая с работы, Гарриет наблюдала, как фигурки рабочих таскают факелы вокруг разрушенных зданий.

Эти здания были чуть ли не последними признаками бидермайеровского очарования, дарованного Бухаресту Австрией. Король возжелал построить здесь площадь – если бы он осмелился выйти во внешний мир, то мог бы провести тут смотр полков – и приказал, чтобы со сносом управились к началу зимы.

Большую часть дня Гарриет просидела у окна. Хотя семестр еще не начался, Гай с самого утра отправился в университет, чтобы посмотреть, нет ли там студентов. Он пообещал, что после обеда выведет Гарриет погулять, но вернулся поздно, в ажитации, и сказал, что перекусит и убежит обратно. Студентам не терпелось встретиться с преподавателями английского и узнать, чем они будут заниматься в этом году.

– Милый, может быть, лучше дождаться профессора Инчкейпа? – спросила Гарриет. В ней еще жива была вера и кротость новобрачной, и в ее голосе прозвучало лишь сожаление.

– Нельзя разочаровывать студентов! – ответил Гай и скрылся, пообещав, что вечером они пойдут ужинать «на Бульвар».

За оставшуюся часть дня телефон звонил трижды, и портье всякий раз сообщал, что господина Прингла вызывает некая леди.

– Это одна и та же леди? – спросила Гарриет на третий раз.

Да, одна и та же.

Когда на закате Гай показался на площади, Гарриет уже утратила некоторое количество кротости. Она наблюдала за тем, как он выходит из облаков пыли – высокий, неряшливый, с охапкой книг и бумаг в руках, своей неловкостью напоминающий медведя. Прямо перед ним рухнул на землю фрагмент фронтона. Он замер на месте, озадаченно огляделся и зашагал не в ту сторону. Гарриет ощутила неловкость и вместе с ней сострадание. В этот миг на то место, где он стоял секунду назад, обрушилась стена, обнажив просторную белую комнату, украшенную барочной лепниной и зеркалом, которое сверкало, словно озеро. Рядом виднелись красные обои кафе – знаменитого кафе «Наполеон», где раньше встречались художники, музыканты, поэты и другие прирожденные оппозиционеры. Гай рассказывал, что снос зданий затеяли только ради того, чтобы уничтожить этот очаг мятежа.

Войдя в комнату, Гай положил свои бумаги и объявил (так непринужденно, что стало ясно: дело плохо):

– Русские заняли Вильну.

Он начал переодеваться.

– То есть они уже в Польше? – спросила Гарриет.

– Это удачный ход, – ответил он чуть вызывающе. – Чтобы защитить Польшу.

– Во всяком случае, удачный предлог.

Зазвонил телефон, и, прежде чем было сказано что-либо еще, Гай схватил трубку.

– Инчкейп! – радостно воскликнул он и, не посоветовавшись с Гарриет, добавил: – Мы будем ужинать на Бульваре. Приходите.

Он положил трубку и стащил рубашку через голову не расстегивая.

– Тебе он понравится. Главное – разговорить его.

Гарриет не могла даже вообразить, что ей понравится кто-то незнакомый.

– Тебе звонили сегодня три раза. Какая-то женщина.

– В самом деле? – Это сообщение не удивило его. – Тут все посходили с ума из-за телефонов. Их не так давно провели. Женщинам нечем заняться, и они звонят незнакомым людям и кокетничают. Мне не раз так звонили.

– Вряд ли случайная женщина стала бы звонить трижды.

– Да, вряд ли. В любом случае она перезвонит.

Когда они выходили, телефон действительно зазвонил снова. Гай кинулся к нему, и Гарриет уже с лестницы услышала, как он восклицает: «Софи!» Спустившись, она увидела, что в холле толпятся жильцы и слуги. Все они что-то оживленно обсуждали. Радиоприемник за стойкой, словно механическая птица, выпевал назойливую мелодию румынской *хоры*⁶. Гарриет остановилась, чувствуя, как воздух дрожит от тревоги. Когда Гай догнал ее, она сказала:

– Кажется, что-то случилось.

Гай подошел к управляющему, который держался с ним очень почтительно. Англичане были важными лицами в Бухаресте: Англия гарантировала безопасность Румынии. Управляющий объяснил Гаю, что на границе собираются иностранные войска.

– Где именно? – спросил Гай.

Это было неизвестно; никто не знал также, немецкие ли это войска или русские. Король должен был обратиться к нации из своей квартиры, и все считали, что в любой момент могут объявить всеобщую мобилизацию.

Встревоженные происходящим, Принглы вместе со всеми ждали обращения короля. Механическая птица умолкла. В наступившей тишине те, кто до этого вопил, чтобы перекрыть шум, стыдливо умолкли. По радио сообщили, что король обратится к своим подданным на румынском.

Услышав это, мужчина в накидке, слишком тучный, чтобы ворочать шеей, повернулся к собравшимся всем телом:

– Sans doute l'émission est en retard parce que sa Majesté s'instruit dans la langue⁷.

Это вызвало смех, но короткий – одно мгновение, украденное у страха. Затем все снова застыли. Худые желтолицые мужчины и густо напудренные темноглазые женщины тревожно уставились на радиоприемник, откуда после долгой паузы зазвучал голос короля. Все сдвинулись ближе, прислушиваясь, после чего начали жаловаться, что не понимают этот ломаный румынский. Гай кое-как перевел Гарриет смысл речи:

– Если на нас нападут, мы будем защищать страну до последнего солдата. До последней пяди земли. Мы усвоили ошибки Польши. Румыния никогда не сдастся. Ее сила всех удивит.

Несколько человек закивали, повторяя: «Удивит! Удивит!» – но некоторые стали испуганно оглядываться, словно опасаясь, что враг сочтет эти слова за провокацию. Мужчина в накидке скривил свое крупное, подвижное желтоватое лицо и распростер руки, словно желая сказать: «Ну вот и всё!» – но никто не отреагировал. Не время для шуток. Улыбнувшись Гаю, словно один заговорщик другому, он отошел, и Гай, зарумянившись, пробормотал, что это был актер Национального театра.

Принглы покинули гостиницу через боковую дверь, выходящую на Каля-Викторией – главную торговую улицу, дома на которой были такими высокими, что своими верхушками цепляли последние отблески розово-лилового заката. Отражение этих лучей лилово осветило толпы, двигавшиеся по пыльным тротуарам.

Настал час вечернего променада. Гай предложил немного прогуляться; но для начала им предстояло преодолеть заграждение из гостиничных попрошаек. Это были профессиональные нищие, которых родители, такие же профессионалы, ослепили или искалечили еще в младенчестве. Гай за прошлый год почти привык к тому, что ему постоянно демонстрируют бельма,

⁶ Хора – национальный румынский танец-хоровод.

⁷ Значит, обращение задержали, потому что его величеству надо было выучить язык (*франц.*).

язвы, культы, сухие руки и груди кормящих матерей. Румыны воспринимали всё это философски и подавали так мало, что нищему порой приходилось целый день собирать себе на один обед.

Когда Гай попытался последовать примеру местных, поднялся вой. Иностранцев так легко не отпускали. Попрошайки набросились на Принглов всей толпой. Один из них спрятал за спиной полбатона и присоединился ко всеобщему хору: «Mi-e foame, foame, foame!»⁸ Супругов окружили удушливые запахи чеснока, пота и гноя. Поделив монеты Гая, нищие стали требовать еще. Глядя на дрожащего ребенка, Гарриет подумала, что он словно гордится собственной настойчивостью. Один из мужчин, пытаясь преградить им путь, вытянул обнаженную костлявую ногу, всю в лиловых пятнах и желтой коросте. Гарриет перешагнула через нее, и мужчина в бессильной ярости застучал ногой по земле.

– Они пытаются вывести нас из себя? – спросила она и тут же поняла, что, возможно, нищие мстят за свои унижения, пытаясь вызвать в прохожих вроде нее вспышку чистой ненависти.

Наконец им удалось выйти на променады. Гуляющие представляли собой суровое общество, насчитывающее больше мужчин, чем женщин. Женщины старшего поколения вообще не появлялись вне дома в одиночестве. Здесь было несколько девичьих групп: всецело сосредоточившись друг на друге, они будто не замечали хищных взглядов одиноких мужчин. Чаще всего встречались парочки – аккуратные, застегнутые на все пуговицы, смущенно-вежливые. Гай объяснил, что в этот час выходят на прогулку только дельцы. Гарриет представился случай увидеть новую буржуазию, выросшую из крестьянства и крайне довольную собой.

Поскольку крестьяне предпочитали яркие краски, их потомки выбирали серый для мужчин и парижский черный для женщин и украшали себя самыми шикарными жемчугами, бриллиантами и чернобурками, какие только могли себе позволить.

Гарриет, ощущая на себе неодобрительные и даже насмешливые взгляды, – они с мужем единственные были без шляп, и одежда их выглядела странно, – тоже стала смотреть на окружающих критически.

– Они все словно в униформе, – сказала она.

– Это не только румыны, – заметил Гай. – Здесь много евреев без гражданства и, конечно, венгров, немцев и славян. Если говорить о процентном соотношении...

Гай, будучи выше мелочей жизни, заговорил о статистике, но Гарриет не слушала. Она была погружена в сражение с толпой.

Прогулка оказалась испытанием ее физической силы. В своем стремлении не сходить с тротуара румыны не ведали жалости. Только крестьяне и слуги шли по дороге. Мужчины еще могли подвинуться на дюйм-другой, но женщины были непоколебимы, точно паровые катки. Низкорослые, крепкие, они с непроницаемым выражением лица раздвигали толпу своими массивными грудями и бедрами.

Яростнее всего гуляющие удерживали позиции в потоке, ближайшем к витринам. Гай был слишком невозмутим, чтобы давать отпор, а Гарриет не доставало сил, поэтому их оттеснили на край тротуара, где Гай поддержал жену за локоть, чтобы она не соскользнула в канаву. Гарриет вырвала руку:

– Пойду по дороге. Я не румынка и вольна идти где хочу.

Гай поймал ее руку и сжал пальцы, стараясь передать ей частичку своего непоколебимого благодушия. Выбравшись из толпы, Гарриет оглядела ее уже более благосклонно и поняла, что за внешней напыщенностью кроется всеобщая настороженная неловкость. Если бы кто-то вдруг крикнул: «Вторжение началось!» – самодовольная личина тут же была бы позабыта.

⁸ Я голоден, голоден, голоден (рум.).

Эта неловкость стала очевидной в конце Каля-Викторией, где улица расширялась и переходила в бесхозную землю, застроенную общественными зданиями. Здесь стояло с дюжину польских автомобилей, прибывших с севера. Некоторые казались брошенными, в других сидели женщины и дети с пустыми взглядами: они ждали своих мужчин, которые ушли на поиски убежища. Хорошо одетые румыны, вышедшие на улицу, чтобы покрасоваться и оценить окружающих, были оскорблены видом этих отчаявшихся людей, слишком усталых, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг.

Гарриет гадала, что будет с поляками. Гай сказал, что, если румын расшевелить, на поверку они оказываются незлыми. Некоторые владельцы летних вилл предложили приют польским семьям, но среди беженцев уже начали ходить слухи – воспоминания об антипольских настроениях в прошлую войну.

Ближе к концу улицы, рядом с перекрестком, где Кантакузино в тюрбане указывал на птичий рынок, стояла вереница повозок-*трэсурэ* в ожидании клиентов. Гай предложил доехать до Бульвара. Гарриет оглядела лошадей: в сумерках сложно было понять, в каком они состоянии.

- Они кажутся ужасно тощими, – заметила она.
- Они все очень старые.
- Мне кажется, не стоит их нанимать.
- Если никто не будет нанимать их, они умрут с голоду.

Выбрав самую бодрую лошадь, Принглы сели в повозку, которая тронулась с места и тут же остановилась. Высокий пожилой мужчина с важным видом выставил перед ними свою трость.

– Да это Вулли, – сказал Гай удивленно. – Обычно он не обращает внимания на «культурных». Видимо, хочет познакомиться с тобой.

Вулли не успел вымолвить ни слова, как порозовевший от удовольствия Гай уже представил его Гарриет, в своей щедрости изрядно преувеличив его важность.

– Главный английский предприниматель, а также председатель гольф-клуба, – произнес он, после чего с нежной гордостью обернулся к Гарриет: – А это моя жена.

Вулли холодно кивнул, показывая, что подошел к ним не ради развлечения, но по делу.

– Вышел приказ, – гнусаво сообщил он. – Всем леди надо вернуться в Англию.

– Но я звонил в миссию утром, – сказал Гай. – Мне никто ничего не говорил.

– И тем не менее, – ответил Вулли таким тоном, что было ясно: он не собирается спорить, а просто информирует их.

Гарриет возмутила мягкость возражения Гая, и она вмешалась:

– Чей это приказ? Британского посланника?

Вулли уставился на нее, удивленный, кажется, не тоном ее вопроса, а самим фактом того, что она вообще заговорила. Его лысая рябая голова дернулась и повернулась в ее сторону, словно фонарь, качающийся на ветке бамбука.

– Нет, это всеобщий приказ. Я отослал свою супругу домой, чтобы подать пример другим. Остальным этого было достаточно.

– Мне, боюсь, этого недостаточно. Я никогда не следую примеру других.

Пошевелив горлом, Вулли сказал:

– В самом деле? Что ж, дорогая, имейте в виду: если здесь начнутся волнения, это будет настоящая неразбериха. Автомобили и бензин реквизирует армия, а поезда будут перевозить солдат. Вряд ли кому-то удастся сбежать, и даже если вы сможете уехать, то без вещей, и это будет не развлекательная поездка. Не говорите, что я вас не предупреждал. Женский долг сейчас – вернуться домой и не обременять джентльменов.

– Вы думаете, в Англии безопаснее? Боюсь, вы плохо понимаете, что такое война в наши дни. Думаю, мистер Вулли, вам стоит подать пример другим и не паниковать.

Гарриет ткнула кучера в спину, и повозка тронулась с места, едва не рассыпавшись от рывка. Гарриет величественно кивнула Вулли и увидела, что его лицо утратило всякие краски. Потеряв контроль над собой, он крикнул им вслед:

– Молодежь совсем потеряла всякое уважение! Имейте в виду, что посланник назначил меня главой английской колонии!

Они продолжили свой путь. Гай, вздернув брови, разглядывал Гарриет. Он увидел новую грань женщины, которая досталась ему в жены.

– Я и не думал, что ты можешь быть такой важной, – сказал он.

Довольная собой, она ответила:

– Он же совершенно невыносим. Почему ты позволяешь ему так разговаривать?

Гай рассмеялся.

– Милая, он же просто жалок.

– Жалок? С таким самомнением?

– Самомнение и делает его жалким. Разве не видишь?

Она вдруг поняла, о чем он, и торжество ее угасло. Гай взял Гарриет за руку, и она поднесла к губам его длинные праздные пальцы.

– Конечно, ты прав, и всё же...

Она укусила его за мизинец, и он охнул.

– А это на случай, если станешь слишком хорош.

Они вернулись на Каля-Викторией, пересекли площадь и выехали на широкий проспект, где посреди богатых особняков возвышалось немецкое посольство. Оттуда они выбрались на широкий, обсаженный деревьями бульвар, который вел за город. Деревья стояли почти голые, а уцелевшие листья так иссохли, что болтались, словно хлопья пепла, вылетающие из костра.

Почти стемнело. В небе сияли звезды. Сидя в пропахшей лошадиным духом повозке, Гай и Гарриет держались за руки и в этот момент были близки как никогда. Они были одни, вдали от дома, в охваченном войной мире.

Смутившись от этих мыслей, Гай показал на арку в конце дороги.

– Это Триумфальная арка, – сказал он.

– Восточный Париж, – сказала Гарриет чуть насмешливо: они не сходились во мнении по поводу красоты Бухареста. Гай провел здесь первый год своей взрослой свободной жизни, здесь он впервые стал жить на собственный заработок. Он полюбил Бухарест, но Гарриет, уроженка Лондона, ревновала мужа к этому периоду его жизни и не спешила разделять его любовь.

– Из чего она сделана? Мрамор?

– Из бетона.

Арку выстроил жулик, который использовал некачественный бетон. Когда арка рухнула, его посадили в тюрьму, а арку отстроили заново в честь Великой Румынии – страны, появившейся на свет в 1919 году, когда Королевство Румыния получило русские, австрийские и венгерские земли за то, что присоединилось к войне на стороне победителей.

– Так она и обрела свои восхитительные формы, – подытожил Гай. – Как и все, кто нажились на войне.

Мимо с ревом пронеслись гоночные автомобили, водители которых непрерывно давили на педаль акселератора и гудели. Лошадь, которая в свете фонаря оказалась совершеннейшим скелетом в поношенной шкуре, никак не отреагировала на шум. Не дрогнул и кучер, который кулем возвышался на козлах.

– Скопец, – прошептал Гай. – Местная достопримечательность. Это русская секта. Они считают, что для достижения благодати люди должны быть совершенно плоскими – и мужчины, и женщины. Поэтому после рождения ребенка устраивают невероятные оргии, впадают в транс и кастрируют себя.

– Господи! – воскликнула Гарриет и уставилась на обширную бархатную спину евнуха, после чего перевела взгляд на темные просторы Мунтении⁹, среди которых, словно свадебный торт на блюде, возвышался Бухарест. – Варварская страна.

Когда повозка остановилась у «Павла», одного из крупнейших ресторанов под открытым небом, шум автомобилей перекрыл визг цыганской скрипки. За живой изгородью царил хаос.

Народу было битком. Серебристые лампы, развешанные на деревьях, ярко освещали морщинистые стволы, гравиевые дорожки и лица гостей, которые, все потные от предвкушения вкусной еды, с обезумевшим видом требовали немедленно их обслужить. Кто-то стучал ножом по бокалу, другие хлопали, некоторые причмокивали губами, а остальные хватали официантов за фалды с криками: «Domnule! Domnule!»¹⁰ – потому что в этой стране даже самых недостойных звали господами.

Запыхавшиеся и растрепанные официанты отбросили всякую вежливость и убежали, не дослушав заказ. Посетители выкрикивали что-то в пустоту, потрясая кулаками, и выражали свое негодование гневными речами и жестами. В этом шуме почти не слышалось смеха.

– Все так сердятся, – сказала Гарриет, которая поддалась атмосфере и сама стала отчего-то сердиться.

Официант налетел на Принглов, словно разгневанная птица, и сообщил, что они стоят на пути в кухню. Они отодвинулись, а он бросился к открытому окну и гаркнул в него, перекрикивая царивший на кухне шум. Повара не обратили на него никакого внимания, только продолжали морщиться в чаду гигантской жаровни. Официант грохнул кулаками по подоконнику, и тут один из поваров бросился к нему и наполовину высунулся из окна, словно разъяренная собака на цепи. Он ударил официанта, и тот повалился на пол, не переставая что-то говорить.

– Румыны так веселятся, – сказал Гай и отвел Гарриет в укромный уголок, где под виноградными лозами на столе была разложена еда.

В центре высился пышный букет из кусков жареного мяса: отбивные, стейки и филе, окаймленные цветной капустой. Баклажаны размером с дыню были свалены в кучу, рядом стояли корзины с артишоками, мелкими коралловыми морковками, грибами, горной малиной, персиками, яблоками и виноградом. На одной стороне выстроились французские сыры, на другой – икра, серая речная рыба во льду и лобстеры и лангусты, шевелившиеся в темной воде. Птица и дичь были без разборки свалены в кучу на земле.

– Выбери, – сказал Гай.

– Что мы можем себе позволить?

– Да всё что угодно. Здесь неплохая курица.

Он показал на гриль, где на вертелах бронзовели птички.

Услышав голос Гая, стоящая рядом женщина резко обернулась, смерила его осуждающим взглядом и спросила по-английски:

– Вы англичанин, да? Английский *профессор*?

Гай подтвердил, что это именно он.

– Эта война, – сказала она, – ужасна для Румынии.

Ее муж отвернулся, всем своим видом показывая, что не участвует в разговоре.

– Англия обещала, – сказала женщина. – Англия должна защитить нас.

– Разумеется, – ответил Гай, словно обещая ей свою личную защиту. Он приветственно улыбнулся ее супругу, и тот тут же ожил, закивал и заулыбался.

– Даже если на нас не нападут, – снова заговорила женщина, недовольная тем, что ее прервали, – будет дефицит.

⁹ Историческая область на юго-востоке современной Румынии.

¹⁰ Господин, господин! (*рум.*)

Она опустила взгляд на свои туфли на каблуках, которые казались слишком тесными для возвышающихся над ними ног, и продолжала:

– В прошлую войну был дефицит. Мой папа однажды купил мне войлочные туфли за две тысячи леев. Я надела их в школу, и у них тут же порвались подошвы. А еда! Если в Румынии будет недоставать еды, это будет просто ужас!

Гай со смехом указал на выставленную перед ними еду.

– Разве в Румынии может кончиться еда?

– Думаете, нет?

Она взглянула на мужа. Тот пожал плечами и снова улыбнулся.

– Это правда, – признала женщина. – У нас много еды.

Наконец Гая отпустили.

– Свободных столиков нет, – сказала Гарриет, которая тем временем наблюдала за происходящим в ресторане.

– Не волнуйся.

Гай уверенно повел ее к столу, на котором стояла табличка «Rezervat».

– Nu, nu, domnule, – вмешался старший официант и показал на столик у оркестра.

Гарриет покачала головой:

– Там слишком шумно.

Официант недовольно заворчал.

– Он говорит, что нам еще повезло найти столик во время войны, – перевел Гай.

– Скажи ему, что это их война, а не наша. А нам нужен столик получше.

Старший официант заломил руки и позвал помощника, чтобы тот разобрался с Принглами. Помощник, уворачиваясь от суматохи, словно игрок в регби, отвел их на платформу, где стояло несколько привилегированных столиков. Убрав с одного из них табличку, он указал на этот стол жестом фокусника, демонстрирующего ловкий трюк. Гай сунул ему несколько мелких купюр.

Устроившись на возвышении, Принглы стали разглядывать оркестр, который сидел за чугунной оградой, украшенной лампочками, ветками и позолоченными апельсинами, и трудился, силясь заглушить гомон толпы. Инструменты так надрывно ревели и трубили, что наводили на мысли скорее о бессильной ярости, чем о безудержном веселье.

Гай сдвинул очки на кончик носа и попытался сосредоточиться на происходящем вокруг. Гарриет понимала, что он радуется удачно занятому столику, пусть даже он не стал бы требовать его для себя. Гай благодарно протянул ей руку. В этот момент Гарриет увидела, что от соседнего столика за ними наблюдает мужчина. Встретившись с ней взглядом, он улыбнулся и отвернулся.

– Кто это? – прошептала Гарриет. – Он нас знает?

– Нас все знают. Мы же англичане. Кругом война.

– Но кто это такой?

– Ионеску, министр информации. Он вечно здесь сидит.

– Как странно жить в такой маленькой столице!

– Есть и преимущества. Что бы ни случилось, ты в гуще событий.

Ионеску был не один. За его столиком сидело пять женщин разных возрастов – все крайне солидные, невыразительные и апатичные. Министр сидел на некотором удалении от них, пристально наблюдал за оркестром и ковырял в зубах золотой зубочисткой.

– Кто эти женщины?

– Жена и родственницы. Жена сидит рядом с ним.

– У нее унылый вид.

– Есть отчего. Всем известно, что он сюда ходит посмотреть на певицу Флорику. Он – ее новое увлечение.

Мужчина внизу, получив свой заказ, принялся жадно поедать его, орудуя одной рукой, а другой защищая тарелку от соседей и официантов. Он то и дело оглядывался, словно опасаясь, что еду вот-вот отберут.

Гарриет почувствовала, что проголодалась.

– А нам принесут меню? – спросила она.

– Рано или поздно кто-нибудь о нас вспомнит, – сказал Гай. – А вот и Инчкейп!

Он указал на крепко сбитого мужчину в годах с необычайно прямой спиной, который как раз с иронически-вежливым видом уступил дорогу компании, истерически мечущейся в поисках свободного столика. Увидев, что Гай машет рукой, Инчкейп кивнул и, когда проходил, освободился, продолжил свой путь всё с тем же насмешливым видом. Несмотря на небольшой рост, он словно возвышался над окружающими. Гарриет вспомнила, что когда-то он был директором небольшой частной школы.

Когда Инчкейп подошел ближе, Гарриет увидела, что он не один: вслед за ним боком, словно прячась за профессором, пробираясь высокий худой мужчина не старше тридцати.

– О, Кларенс! – воскликнул Гай с радостным изумлением, и Кларенс ухмыльнулся и опустил взгляд. – Это мой коллега Кларенс Лоусон. Вот мы и снова вместе!

Он протянул руки новоприбывшим, и они, кажется, были и обрадованы, и смущены его энтузиазмом.

Инчкейп взял Гая за левую руку.

– Так вы теперь женатый человек, – сказал он и повернулся к Гарриет с насмешливой полуулыбкой. Взгляд его был, однако, оценивающим и опасливым: один из них привез с собой жену – неизвестную величину, возможно опасную.

Когда Гай представил их, Гарриет крайне серьезно поприветствовала Инчкейпа, не пытаясь ему понравиться. Он ответил с такой интонацией, что стало ясно: Гарриет принята во взрослый мир. Выражение его лица, впрочем, изменилось, когда он снова повернулся к Гаю. Кажется, Гай был не взрослым, а мальчиком – выдающимся, возможно, старшим префектом, но всё же мальчиком.

– Где вы были летом? – спросил Гай Кларенса, который стоял на некотором отдалении от стола. – Вам удалось проехать на автобусе из Бейрута в Кашмир?

– Вообще-то, нет, не удалось.

У Кларенса была неловкая, застенчивая улыбка – тем более неожиданным оказался его голос, твердый и глубокий. Поймав на себе взгляд Гарриет, он быстро отвел глаза.

– В итоге я просто остался в Бейруте. Всё лето купался и нежился на пляже. Можете себе представить. Думал съездить домой и повидать Брендю, но так и не собрался.

Гай спросил Инчкейпа, как у него прошло лето.

– Я был в Риме, – ответил тот. – Много времени провел в библиотеке Ватикана.

Он взглянул на Гарриет.

– Что происходило в Англии, когда вы уезжали?

– Ничего особенного. Иностранцы уезжали, конечно. Чиновник, который проверял наши паспорта в Дувре, сказал, что мы были первыми англичанами в тот день.

Инчкейп сел за стол.

– Что ж, – он взглянул на Кларенса и нахмурился, – садитесь, садитесь.

Но места для Кларенса уже не было. Принесли стул, но Кларенс продолжал стоять.

– Я, вообще-то, просто хотел поздороваться, – сказал он.

– Садитесь же! – Инчкейп нетерпеливо хлопнул по сиденью, и Кларенс сел. Когда вся компания устроилась, Инчкейп осмотрел собравшихся, и уголки его губ изогнулись, словно в насмешку над нелепой новостью, которую он собирался сообщить.

– Меня поставили во главе британской пропаганды на Балканах, – сказал он. – Официальное назначение.

– Потрясающе! – воскликнул Гай.

– М-да. Это, конечно, приведет к перераспределению обязанностей. Вы, – он кивнул Гаю, – возьмете на себя английскую кафедру – изрядно поредевшую, конечно. Можете набрать кого-нибудь из местных учителей английского. Я останусь на своей должности, и вам, дорогой мой, надо будет просто работать.

Он иронически хлопнул Гая по плечу, словно говоря: «Вы свободны!» – после чего повернулся к Кларенсу.

– Мы открываем Бюро пропаганды на Каля-Викторией – напротив конкурентов. Вы будете отвечать за бюллетень.

Он улыбнулся Кларенсу, не пытаясь, однако, прикоснуться к нему. Кларенс не отвечал; он сидел, отодвинувшись от стола, сунув руки в карманы и опустив подбородок на грудь. Казалось, что он готов отказаться от всякого покровительства.

– У вас, разумеется, будет и другая работа, – добавил Инчкейп.

– Я вообще не уверен, что могу этим заняться, – медленно ответил Кларенс. – Меня направило сюда британское консульство. Оно занимается исключительно вопросами культуры, а лорд Ллойд¹¹...

– С Ллойдом я разберусь. – Инчкейп выпрямился и огляделся. – Где официант? Нам надо выпить.

Он повернул свое наполеоновское лицо к официанту, который наконец осознал, что пренебрег этим столиком, и теперь взобрался на платформу с преувеличенной прытью.

Когда они сделали заказ, Гарриет обратилась к Инчкейпу:

– Так что же, вы полагаете, нам следует остаться здесь?

– Почему бы и нет?

– Сегодня вечером нас остановил Вулли и попытался отослать Гарриет домой, – сказал Гай.

Широко распахнув глаза и раздувая ноздри, Инчкейп переводил взгляд с Гая на Гарриет и обратно.

– Вулли вообразил, что может вами командовать?

Наслаждаясь возмущением Инчкейпа, Гарриет продолжала:

– Сказал, что он теперь глава английской колонии.

– Ах вот оно как? Старый идиот впал в детство. Он целыми днями сидит в баре гольф-клуба и сосет бутылку, словно младенец. Старый маразматик. Хотя он и в молодости не отличался умом!

Инчкейп расхохотался, радуясь собственному остроумию, после чего снова впал в мрачность.

– Глава английской колонии, надо же! Ну, я ему покажу, кто тут глава. Пусть только попробует командовать моими людьми.

Гай и Кларенс обменялись улыбками.

– А если будет вторжение, если нам придется бежать – то куда? – спросила Гарриет Инчкейпа.

– В Турцию, видимо, – ответил он, всё еще досадуя.

– А откуда?

– Что ж. – Голос его смягчился. – Через Сирию и на Ближний Восток. – Он снова заговорил в прежней шутливой манере, но с явной неохотой. – Или же мы можем предпринять небольшой пеший поход через Персию и Афганистан напрямик в Индию. Но вторжения не

¹¹ Джордж Ллойд – британский политик, который с 1937 года возглавлял Британский совет – организацию, занимавшуюся культурной пропагандой за рубежом.

будет. У немцев есть чем заняться вместо путешествий по Восточной Европе. Им потребуются все силы, чтобы удержать Западный фронт.

Кларенс выпятил нижнюю губу и, чуть помявшись, заметил обыденным тоном:

– И всё же ситуация серьезная. Я сегодня встретил Фокси Леверетта, и он посоветовал мне не распаковывать чемоданы.

– Тогда они у вас так и будут стоять запакованными, – отмахнулся Инчкейп, словно от надоевшей школьной перебранки.

Миниатюрный официант притащил им гору бутылок, стаканов и тарелок и, громко пыхтя, накрыл на стол.

Подняв взгляд, Гарриет увидела, что Кларенс смотрит на нее в упор. Он тут же отвернулся, но теперь она обратила на него внимание. Его длинное, узкое лицо с длинным же носом показалось ей неудовлетворительным. Неудовлетворительным и неудовлетворенным. Пока она разглядывала Кларенса, он вновь украдкой посмотрел на нее, и они встретились взглядами. Чуть покраснев, он снова отвернулся.

Гарриет улыбнулась сама себе.

– Я пригласил Софи присоединиться к нам, – сказал Гай.

– Интересно – зачем, – пробормотал Инчкейп.

– Она очень расстроена из-за войны.

– И, надо думать, полагает, что войну объявили только для того, чтобы ее расстроить.

Внезапно царившая вокруг суматоха переросла во всеобщие аплодисменты. Над столами зазвучало имя Флорика.

Флорика, одетая в черно-белые юбки, стоя в оркестровой клетке, напоминала сороку. Когда овация стихла, она резко поклонилась, а затем открыла рот и издала высокий, истощенный цыганский вопль. Гости заерзали. Гарриет ощутила, как этот вопль пронзил ее, словно электрический разряд.

За этим воплем последовал следующий – такой высоты, что в ближайшие несколько лет (как впоследствии уверил их Инчкейп) ее голосовые связки были обречены. Сидевшие вблизи Ионеску разглядывали его и его женщин. Развалившись на стуле, тот смотрел на певицу и ковырял в зубах. Женщины по-прежнему никак не реагировали на происходящее.

Флорика тем временем доводила себя до яростного иступления; казалось, она вся была скручена из медной проволоки. Она была худая, как все цыгане, а смуглой кожей напоминала индианку. Когда она откинула голову назад, жилы у нее на шее натянулись; худые руки метались в воздухе, и было видно, как мышцы двигаются под кожей. Свет бликовал на ее волосах, гладко зачесанных над круглым блестящим лбом. В окружении пухлых зрительниц она напоминала голодного дикого котенка среди объевшихся сливками котов. Музыка стихла, и голос Флорики перешел в рычание, после чего снова взлетел ввысь, и, скручиваясь, словно от ярости, сжимая кулаки и потрясая юбками, она завершила песню сверхъестественным воем, которого не смог заглушить даже взрыв аплодисментов.

Когда всё стихло, люди вокруг моргали, словно только что пережили налет торнадо. Ионеску и его женщины сохраняли бесстрастный вид.

Сам Инчкейп не аплодировал и теперь с веселым изумлением показал на Гая, который хлопал в ладоши и кричал: «Браво! Браво!»

– Сколько жизненных сил, – с улыбкой сказал Инчкейп. – Как прекрасно быть молодым.

Когда шум утих, он повернулся к Гарриет.

– За границей она потерпела полный крах, но здесь ее обожают. Она выражает всё отчаяние местных жителей, – пояснил он и, повернувшись, вдруг заметил Ионеску. – Ничего себе! Ионеску со всем гаремом. Интересно, как его жене понравилось выступление?

– Вы думаете, что она знает? – спросила Гарриет.

– Что вы, разумеется. Полагаю, у нее записано, что они говорили и чем занимались во время каждой встречи.

Чтобы побудить его говорить дальше, Гарриет пробормотала что-то невинное.

– Согласно румынским обычаям, ей требуется изображать полнейшее неведение, – принялся объяснять Инчкейп. – Мораль здесь основывается не на неделании, а на признании происходящего.

Им принесли жирный паштет из гусиной печени, темный от трюфелей, приправленный топленным маслом. Инчкейп торопливо проглотил свою порцию, не переставая вещать, словно это была всего лишь безвкусная помеха на пути к самовыражению.

– Возьмем, к примеру, поведение этих женщин в обществе. Если кто-то неприлично пошутит, они притворяются, что не поняли сказанного. Пока мужчины хохочут, женщины сидят с непроницаемыми лицами. Нелепое зрелище. Это поведение никого не обманывает, но так мужчины могут не сдерживать себя при женах.

– А что же молодые девушки, студентки – они не восстают против такого лицемерия?

– Ну что вы. Это самые светские *jeunes filles* на свете, и самые искусные. Мисс Остен назвала бы их злокозненными. Если во время чтения на уроке нам попадает малейшая непристойность, юноши умирают со смеху, а девушки сидят с каменными лицами. Если бы они были шокированы, то не выглядели бы шокированными, а если бы были невинны, то встревожились бы. Но этим равнодушием они выдают свою опытность.

Инчкейп неодобрительно фыркнул: очевидно, он был недоволен не обычаями, а абсурдным поведением женщин, которые вынуждены были подчиняться этим обычаям.

– Как же они набираются опыта в таком юном возрасте? – спросила Гарриет, вполуха прислушиваясь к разговору между Кларенсом и Гаем, в котором уже не раз прозвучало имя Софи. Кларенс, который словно лишь наполовину присутствовал за столом, съел всего пару ломтиков паштета.

– В румынских домах вечно полыхают скандалы и сплетни, – заметил Инчкейп. – Тут всё очень по-восточному. Вся эта мнимая невинность нужна исключительно для того, чтобы набить себе цену. Они рано созревают и рано выходят замуж, обычно за какого-нибудь богатого старого хрыча, которого интересует только девственность. После этого они разводятся. Девушки заводят собственное хозяйство, а статус разведенной позволяет им жить как вздумается.

– Как же они еще не вымерли? – со смехом спросила Гарриет.

– Здесь есть и нормальные браки, разумеется. Но вы же слышали историю румына, который идет по Каля-Викторией со своим другом-немцем и называет цену каждой женщины, которую они встречают. «Неужели здесь нет ни одной честной женщины?» – спрашивает немец. «Есть, – отвечает румын, – только они очень дорогие».

Гарриет рассмеялась, и Инчкейп с удовлетворенной улыбкой оглядел ресторан и пожаловался:

– Никогда еще не видел здесь такой суматохи.

– Это война, – сказал Кларенс. – Ешьте, пейте, веселитесь, ведь завтра мы можем умереть с голоду.

– Чушь!

Принесли следующее блюдо – утку в апельсинах. Пока ее нарезали, Инчкейп тихо обратился к Гарриет:

– Вижу, к нам идет ваша подруга Софи Оресану.

Гарриет не стала уклоняться от прозвучавшего между строк вопроса.

– Она не моя подруга, мы с ней даже не знакомы. Что она собой представляет?

– Довольно прогрессивная барышня для здешних мест. У нее необычная судьба. Ее родители развелись, и Софи жила с матерью. Когда мать умерла, Софи стала жить одна. Здесь так

не принято. Она пользовалась относительной свободой. Некоторое время работала в студенческом журнале – типичное полусырое, слегка антифашистское издание, такие то и дело появляются на свет. Это длилось полгода, и теперь она считает, что за ней охотятся немцы. Она учится на юриста.

– В самом деле! – воскликнула Гарриет, которую впечатлила эта последняя информация.

– Здесь это ничего не значит, – сказал Инчкейп. – Они тут все учатся на юристов. А выучиваются на младших помощников наклеивщиков марок.

– Гай говорит, что румынки очень умные.

– Сообразительные. Но все румыны одинаковые. Впитывают факты, словно губка, но ничего с ними не могут поделать. Я их называю фаршированными гусями. Нетворческие люди.

Говоря это, он поглядывал на молодую женщину, которая уже поднялась на платформу, остановилась у их столика и, не обращая внимания на остальных, с трагическим видом уставилась на Гая. Он же, поглощенный разговором, не обращал на нее внимания.

– Привет, – сказала она тихо и скорбно.

– О, привет!

Гай вскочил на ноги и поцеловал ее в обе щеки. Софи выдержала его приветствие с легкой улыбкой, разглядывая собравшихся. Гай радостно повернулся к Гарриет:

– Дорогая, познакомься с Софи. Софи, это моя жена.

Софи разглядывала Гарриет с таким выражением, что было ясно: она силилась понять, откуда у него вообще взялась жена и почему именно эта. Наконец она кивнула и отвернулась. Она была довольно милостивой, смуглой, как все румынки, с чуть полноватыми щеками. Основным достоинством Софи была ее фигура. Глядя на ее пышную грудь, Гарриет почувствовала себя в невыгодном положении. Возможно, такие формы недолговечны, но пока что они вызывали зависть.

Гай огляделся в поисках стула.

– Возьмите мой, – сказал Кларенс. – Мне уже пора.

– Что вы!

Гай попытался удержать его, но Кларенс, чуть помедлив, вдруг стремительно их покинул.

– Куда его понесло?

Инчкейп поглядел вслед Кларенсу, после чего с досадой уставился на Софи, всем своим видом показывая, что считает эту замену крайне невыгодной. Не обращая на него внимания, Софи с упреком глядела на Гая. Он не сразу заметил ее взгляд.

– Что случилось?

– Ничего, – промолвила она. – Ничего, о чем можно было бы говорить при посторонних.

После паузы она продолжила:

– Война! Как это страшно! Она расстраивает меня. Я думаю о ней по ночам, когда засыпаю, и по утрам. Я постоянно о ней думаю.

Инчкейп поставил перед ней стакан.

– Выпейте, вам станет веселее, – сказал он. Когда Софи проигнорировала вино, Инчкейп повернулся к ней спиной и показал на обедающих внизу.

– Если я не ошибаюсь, – сказал он, – там сидит человек, с которым я познакомился, когда останавливался в «Крийоне»¹² несколько лет назад. Некий князь Якимов. Он был очень известен в парижском обществе.

Пока Инчкейп говорил, Гарриет услышала задыхающийся от слез голос Софи:

– Как можно говорить «вам станет веселее»? Сейчас не время для веселья! Вся эта британская выдержка хороша только для бесчувственных людей. А я очень чувствительна!

¹² «Отель де Крийон» – роскошная гостиница, в которой останавливались участники Парижской конференции 1919 года.

Гай пытался отвлечь Софи меню. Чего бы ей хотелось съесть? Она не знала. Она только что с вечеринки, где ела то и это, и потому не очень голодна; но, возможно, ей бы хотелось немного копченого лосося.

– Якимов? – Гарриет пыталась выудить это имя из памяти. – О ком вы?

– Вон, смотрите, сидит с Добсоном. Вы незнакомы с Добсоном? Якимов – это вон тот высокий, худой, похожий на верблюда. Не то чтобы он мог подолгу обходиться без питья...

– Я его уже видела. Он сел в наш поезд.

Гай не в силах был терпеть, если интересный разговор происходил без его участия.

– О чем вы? – вмешался он, перебив очередную жалобу Софи.

– О Якимове, – ответил Инчкейп. – Своего рода *raconteur*¹³ и балагур. Он как-то раз покрасил окна в черный цвет.

– Какие окна? – спросила Гарриет. – Почему?

– Понятия не имею. Он наполовину ирландец, а наполовину русский, из белых, поэтому ему, говорят, присущ очень своеобразный английский юмор.

Они наблюдали за Якимовым, который был занят едой и ничего в данный момент не рассказывал.

– Что значит своеобразный английский юмор? – спросила Софи капризным тоном.

– Благодушный, наверное, – ответил Гай. – Доброжелательный. Болезненный пинок под зад здесь называют румынским пинком, а легкий тычок коленом – английским. Примерно так.

Когда прозвучало слово «зад», лицо Софи окаменело, но заметила это только Гарриет.

– Я бы хотел познакомиться с Якимовым, – сказал Гай. – Давайте их пригласим к нам.

– Постойте, – запротестовал Инчкейп, – с ним же придет Добсон.

– Я не против, – ответил Гай. – Он так поздно поступил на дипломатическую службу, что еще сохранил человеческий облик.

– Дипломат-любитель, можно сказать. Занялся этим делом после богатой и ленивой юности. Сам я не питаю к нему неприязни. Если ему не требуется прилагать для этого усилий, он вполне готов вести себя прилично.

Гай вырвал лист из блокнота и написал несколько слов, в то время как Инчкейп, не желая принимать участия в приглашении, отвернулся. Официант отнес записку, Добсон черкнул на ней несколько слов и отправил обратно.

– Они выпьют с нами кофе, – сказал Гай.

– А!

Инчкейп выдохнул и налил себе еще вина.

* * *

Прежде чем отправиться днем в кровать, Якимов послал на станцию за чемоданами и отдал бóльшую часть одежды служащим гостиницы, чтобы они привели ее в порядок.

Теперь же, неторопливо шагая за Добсоном по ресторану в вычищенном желтом жилете и умело отутюженном клетчатом костюме, он выглядел крайне элегантно, пусть и с легким налетом эксцентричности. Подойдя к столику, за который их пригласили, он благосклонно улыбнулся. После того как их представили, он поцеловал Гарриет руку и заявил:

– Как это прекрасно: после долгих лет жизни за границей увидеть настоящую английскую красоту!

– Мне говорили, что у вас своеобразное английское чувство юмора, – сказала Гарриет.

– Батюшки! Неужели репутация бедного Яки обогнала его?

¹³ Рассказчик (*франц.*).

Якимов так безыскусно обрадовался, что первоначальные подозрения Гарриет рассеялись, – почему они возникли, она и сама не могла сформулировать.

– Своеобразное английское чувство юмора! – повторил он. – Я польщен.

Он повернулся, чтобы проверить, слышал ли Добсон эту похвалу, но тот разговаривал с Гаем.

– Я счастлив был услышать, что вы вернулись, но крайне удивлен, что вас впустили.

Добсон нервно хохотнул, тем самым как бы смягчив свои слова, но Инчкейп недовольно скривил губы.

Добсон отличался легкой походкой (причем в процессе ходьбы он выгибался в талии, выпячивая живот), был еще молод и в целом напоминал херувима: пухлый, с ямочками на щеках, весь бело-розовый. Он был совершенно лыс, но на макушке сохранились участки младенческого пуха – следы покинувших его волос.

– Мне приказали вернуться, – сказал Гай. – В Лондоне говорят, что на нас распространяется бронь военнообязанных.

– Это правда, – согласился Добсон, – но они не понимают, как это усложняет дело для нас: толпы британцев без дипломатической защиты.

Он снова хохотнул, весело и снисходительно, но Инчкейп не разделял его веселья.

– Кажется, подобные сложности – это ваша работа, – сказал он.

Добсон вздернул подбородок, недовольный тем, что его слова восприняли так серьезно. Он снова рассмеялся, и Гарриет поняла, что имел в виду Гай, говоря, что Добсон «сохранил человеческий облик». Этот постоянный нервный хохоток, прорывавшийся сквозь его профессиональное самообладание, делал Добсона ближе и понятнее по сравнению с его коллегами. В тот же момент она поняла, что Добсон изрядно пьян. Гарриет сделала вывод, что он будет неплохим знакомым, но узнать его получше окажется непросто.

Мест за столом уже не хватало. Гаю пришлось сунуть официанту деньги, чтобы тот отправился на поиски стульев. Когда принесли еще два, Добсон повалился на свой, словно намереваясь вот-вот соскользнуть на пол, и уставился на зажатый в руке листок бумаги. Это зрелище, казалось, привело его в такой ужас, что Гарриет заглянула ему через плечо. Это был счет за его ужин.

Якимов поставил свой стул рядом с Гарриет. Софи, которая сидела на другой стороне стола, очевидно, сочла их появление практически невыносимым испытанием.

– Я видела вас в поезде на границе, – сказала Гарриет Якимову.

– В самом деле? – Якимов взглянул на нее с подозрением. – Не буду врать, дорогая, там возникли некоторые сложности. Из-за моей «Испано-Сюизы». Бумаги не в порядке. Что-то с разрешением. Боюсь, что старушку изъяли. Я как раз объяснял Добсону, что из-за этого происшествия не могу более числиться в резерве.

– Откуда вы ехали?

– Да так. Пришлось покататься. Когда начались беспорядки, я был слишком далеко от базы, поэтому отправился в ближайший порт. Всё-таки в подобные времена везде можно пригодиться. Кстати говоря, мой шанс выпал этим утром. Удивительная история.

Он огляделся, желая привлечь внимание как можно большего числа слушателей, и увидел, что Гай заказывает на всех кофе.

– Как насчет капельки бренди, дорогой мой?

Официант расставил перед ними рюмки для бренди.

– Скажите, чтобы оставил нам бутылку, – велел Якимов, после чего поерзал в стуле, стараясь приспособить сиденье к своим формам, поднял рюмку в сторону Гарриет, осушил ее и преувеличенно громко причмокнул.

– Живительно!

На мгновение Гарриет увидела в нем алчность – словно он хотел, если бы мог, выпитать в себя всю поверхность земли; но тут он посмотрел на нее. Взгляд его был абсолютно простодушным. Большие светло-зеленые глаза с опущенными внешними уголками казались плоскими, не толще стекла, и располагались будто бы не в глазницах, а на плоской поверхности между бровями и щеками.

Он налил себе еще бренди, очевидно готовясь развлечь собравшихся. Гай выжидающе смотрел на него, а Софи уставилась на Гая. Она потянула его за рукав и интимно прошептала:

– Мне так много нужно тебе рассказать. Меня многое тревожит.

Гай отмахнулся от ее откровений, и Якимов, не заметив этой мизансцены, начал рассказывать:

– Сегодня утром я рано встал и в холле гостиницы «Атенеум» встретил самого...

Обычно голос Якимова звучал тонко, печально и невыразительно и напоминал культурного Полишинеля, но, изображая Маккенна, он заговорил совсем по-другому. Воспроизводя суровый, требовательный голос Маккенна, он своими тонкими чертами умудрился изобразить и его обезьяноподобную физиономию.

Он рассказал о встрече с Маккенном, о поляках перед отелем, о спящей девушке, о шарфе, который похоронили вместе с трупом. Извинившись, что не говорит по-польски, он тем не менее передал акцент сердитого поляка.

Гай, восхищенный этим спектаклем, пробормотал: «Изумительно!» – и Якимов польщенно улыбнулся.

Остальные же, хотя и слушали с удовольствием, были смущены тем, что подобную историю подают как анекдот, но когда Якимов развел руками и сказал: «Только вообразите, ваш бедный старый Яки – уполномоченный военный корреспондент!» – лицо его выразило такое комическое смирение перед столь невероятным поворотом, что они вдруг растаяли. Даже мрачная Софи смягчилась. Он объединил их теплом общего веселья, и пусть на один миг, но они сочли его даром свыше – их Яки, бедного старого Яки. Его рост, странное лицо, худая фигура, большие кроткие глаза и, главное, его скромность – они любили его за эти черты.

Добсон, очевидно, уже слышал этот рассказ. Подняв взгляд от счета, он улыбнулся произведенному эффекту. Когда смех утих, Софи, которая не смеялась, с крайне серьезным видом перехватила инициативу:

– По-моему, быть журналистом не так уж и сложно. Я была журналистом. Моя газета была антифашистской, поэтому мне теперь будет нелегко. Возможно, сюда придут нацисты. Понимаете?

Якимов моргал и, очевидно, не понимал ничего. Она раздраженно рассмеялась:

– Вы хотя бы слышали о нацистах?

– *Наглицы*, дорогая моя, я их так называю, – хихикнул он. – Не знаю, что с ними случилось. Начинили они вроде бы прилично, но где-то перегнули палку. Теперь их никто не любит.

Инчкейп расхохотался.

– Исчерпывающее описание ситуации! – сказал он.

Софи уставилась на Якимова в упор.

– Нацисты – очень дурные люди, – сказала она. – Я как-то раз была в Берлине на празднике – понимаете? – и мне навстречу по тротуару шел нацистский офицер. Я думала, что он мне уступит, я же леди, но нет! Он оттолкнул меня, и я оказалась на дороге, по которой ехали автомобили!

– Батюшки, – сказал Якимов.

Софи открыла рот, чтобы продолжать, но тут в разговор вмешалась Гарриет.

– Скажите, это вы когда-то покрасили окна в черный цвет? – спросила она.

– Что же, дорогая, это действительно был я.

– Расскажите, в чем было дело?

– В другой раз, пожалуй. Это несколько эксцентричная и очень давняя история. Дело было вскоре после окончания школы.

Софи, которая до этого угрюмо наблюдала за Гарриет, теперь победоносно заулыбалась. Гарриет с удивлением поняла, что в отказе Якимова Софи усмотрела очко в свою пользу.

Гарриет не предвидела возможности появления какой-нибудь Софи. И очень зря. Всегда находился кто-то вроде нее. Кроме того, даже если Гай и не поощрял поведение Софи, его природное дружелюбие легко было неправильно истолковать. Она и сама ошибочно полагала, что это дружелюбие направлено лишь на нее. (Ей вдруг явственно вспомнилась одна из первых их встреч, когда Гай взял ее худую руку в свои и сказал: «Вы недоедаете. Приезжайте в Бухарест, и мы вас откормим».) Они поженились, как будто их встреча не могла привести ни к чему иному. И всё же – что, если бы она узнала его получше? Что, если бы они были знакомы уже год, и всё это время она наблюдала бы за ним, за его отношениями с окружающими? Она не стала бы торопиться со свадьбой, сочтя, что он чересчур широко закидывает сеть своего дружелюбия, чтобы справиться с увесистым грузом брака.

Но они поженились; она невинно полагала, что они будут всецело владеть друг другом, укроются в отношениях, закрытых от враждебного внешнего мира. Вскоре, впрочем, обнаружилось, что Гай не готов ей подыгрывать. Он не просто принимал окружающий мир – он приветствовал его, и странным образом мир вокруг него становился менее враждебным.

– Я так полагаю, вы учились в Итоне? – спросил Инчкейп Якимова. В его иронической улыбке проскальзывала тень неодобрения.

– Увы, нет, – ответил Якимов. – Мой бедный старый отец не потянул. Я учился в одной из этих жутких школ, где какой-нибудь Маршалл вечно изводит Снелгроува, а Дебенхэм *слишком уж* привязан к некому Фрибоди. Раз уж мы об этом заговорили, мне вспомнилась забавная история о крокетном матче, в котором директриса знаменитой школы для девочек играла против директора очень известной школы для мальчиков, крайне тучного мужчины. Так вот...

Довольно банальная история казалась совершенно уморительной благодаря модуляциям дребезжащего голоса рассказчика. Он делал паузы перед словами и выговаривал их медленно, чуть задышающимся и неодобрительным голосом, так что все, кроме Софи, сначала посмеивались, а потом начали хохотать. Софи с угрюмым видом наблюдала за мужской реакцией на рассказ: Гай приговаривал: «Господи!» – и утирал слезы, Инчкейп смеялся, запрокинув голову, а Добсон покачивался от наслаждения.

– И о чем шла речь? – спросила она, когда история подошла к концу.

– О крокетных шарах, – ответил Инчкейп.

– Тогда я не понимаю. Что тут смешного?

– А почему вообще что-то бывает смешно? – мягко спросил Инчкейп.

Этот ответ не удовлетворил Софи.

– Это английский юмор, да? – спросила она агрессивно. – У нас в Румынии свои шутки. Например, какая разница между котенком и куском мыла? По-моему, полная глупость.

– И что же, какая между ними разница? – спросил Гай.

Софи раздраженно на него взглянула и ничего не ответила. Он стал уговаривать ее; наконец она сдалась и обиженно сказала:

– Если посадить котенка у дерева, он на него заберется.

Успех шутки удивил ее саму. Она подозрительно оглядывалась, но, постепенно успокоившись, благодушно сообщила:

– Я знаю много таких шуток. Мы их рассказывали в школе.

– Расскажи еще, – попросил Гай.

– Но это же такая глупость.

– Что ты, это очень интересно.

Уговорив ее рассказать еще несколько штук, мало отличающихся друг от друга, Гай начал доклад на тему грубого крестьянского юмора, примерами которого он назвал сказочные загадки. Он попросил Якимова подтвердить, что русские крестьянские сказки по сути не отличаются от крестьянских сказок других народов.

– Наверняка, дорогой мой, наверняка, – пробормотал Якимов. Глаза его опустели, тело обмякло – в нем словно бы угасла жизнь, если не считать руки, которой он каждые несколько минут подливал себе бренди.

Добсон, задремав, чуть не соскользнул со стула, после чего кое-как проснулся и сел поудобнее. Инчкейп с застывшей улыбкой слушал Гая. Было уже поздно, но никто, казалось, не собирался уходить. Ресторан был набит битком, оркестр играл, все ожидали второго выступления Флорика. Гарриет вдруг ощутила, как она устала; ей захотелось оказаться в кровати. Гай рассказывал, что в жаркие летние ночи посетители таких ресторанов засиживались под деревьями допоздна. Однако это не была жаркая летняя ночь. Из окружавшей их тьмы время от времени приходили волны осенней прохлады, от которой застывал летний воздух. Кто-то упомянул, что на горные пики к северу от города лег первый снег. Она понадеялась, что хотя бы холод заставит их вскоре покинуть ресторан.

Якимов меж тем вылил себе в бокал остатки бренди и принялся оглядываться. Глаза его вновь обрели блеск. Когда подошел официант, Якимов лишь слегка шевельнулся и прищурился в сторону бутылки, и ее тут же заменили полной – так быстро, что Гарриет предположила, что Якимов обладает такой же магической властью над официантами, как некоторые люди – над птицами и зверями. Заново наполнив свой бокал, он откинулся на спинку стула, готовясь, как опасалась Гарриет, просидеть тут всю ночь.

Что же до Гая, выпивка ничуть не убавила его энергию. Он впал в словоохотливую эйфорию, в которой совершал открытия и делал экскурсии в метафизику и социальные науки. Каждые несколько минут Софи – которая теперь выглядела радостной и оживленной – по-хозяйски перебивала, чтобы объяснить, что он имеет в виду. Возможно ли, подумала Гарриет, что на самом деле этот разговор казался Софи таким же бессмысленным, как и ей самой?

– Можно сказать, что загадки – это самая примитивная форма юмора, – говорил тем временем Гай. – Настолько примитивная, что это уже не юмор, а магия.

– Он имеет в виду, как сфинкс и оракул, – вмешалась Софи. – Оракулы всегда говорили загадками.

– Кроме Делосского, – заметил Инчкейп.

Софи смерила его презрительным взглядом.

– Оракул был в Дельфах¹⁴.

Инчкейп пожал плечами и промолчал.

В полночь Флорика вышла, чтобы спеть еще раз. На этот раз Гай был слишком поглощен собственной речью, чтобы заметить ее. Гарриет посмотрела на столик Ионеску – там никого не было. Флорике поаплодировали уже с меньшим пылом, она ушла со сцены, и оркестр продолжил играть.

Гарриет зевнула. Полагая, что воспринимает происходящее крайне милосердно, она разглядывала Софи и думала: неужели Гая действительно привлекает такая вот девичья глупость? Если бы она, Гарриет, так гримасничала и жестикулировала, перебивала бы его и требовала бы внимания – понравилось бы ему?

– По-моему, нам пора, – сказала она неожиданно для самой себя.

– Никто не хочет расходиться, – ответил Гай, очевидно шокированный ее предложением.

– Нет-нет, – тут же подхватила Софи. – Еще слишком рано.

– Я устала, – сказала Гарриет.

¹⁴ Софи не знает о существовании оракула Аполлона на острове Делос и путает его с Дельфийским.

– Завтра вы можете спать весь день, – ответила Софи.

Инчкейп затушил сигарету:

– А я бы лег пораньше. Мне не удалось выспаться в поезде.

– Ну дайте мне хотя бы допить, – сказал Гай тоном ребенка, который просит посидеть еще десять минуточек, и поднял свой полный бокал.

– Еще совсем рано, дорогая моя, – вставил Якимов, доливая себе бренди.

Они просидели еще полчаса. Гай цедил бренди и пытался оживить разговор, но ритм был утерян. Всеми овладела вялость, присущая окончанию вечера. Когда наконец решили уходить, пришлось искать официанта.

Инчкейп положил на стол купюру в тысячу леев со словами:

– Это за меня.

Гай заплатил остальное.

Они взяли такси и двинулись обратно. Софи жила в центре города, и ее высадили первой. Гай вышел проводить ее до двери, и она долго и эмоционально что-то говорила, схватив его за руку. Уходя, он окликнул ее:

– До завтра!

Затем отвезли в «Атенеум» Якимова. Уже у гостиницы он сказал:

– Батюшки, я и забыл: меня ждут на приеме в апартаментах княгини Теодореску.

– Какой поздний прием, – пробормотал Инчкейп.

– На всю ночь.

– Когда мы найдем себе квартиру, приходите к нам на ужин, – сказал Гай.

– С радостью, дорогой мой, – ответил Якимов и принялся выбираться из автомобиля, в результате чего практически уселся на бордюр. Кое-как встав на ноги, он нетвердым шагом дошел до вращающихся дверей и по-детски помахал остающимся.

– Мне интересно, – сухо сказал Инчкейп, – как вы будете вознаграждены за свое гостеприимство.

– Яки раньше был знаменит своими приемами, – с упреком сказал Добсон из своего угла.

– Что ж, посмотрим. Пока что, если вы не против, я бы попросил высадить меня следующим.

* * *

Принглы молча вошли к себе в комнату. Гарриет опасалась, что муж упрекнет ее в том, что она испортила вечер. Это было бы справедливо. Она действительно могла бы проспять хоть весь следующий день – и что такое лишний час-другой перед лицом вечности?

Пока она ложилась, Гай изучал себя в зеркале.

– Как ты считаешь, я похож на Оскара Уайльда? – спросил он.

– Пожалуй.

Некоторое время он гримасничал перед зеркалом, представляя себя разными кинозвездами. Гарриет задумалась, не настал ли удачный момент, чтобы спросить его про Софи, и решила, что нет, не настал. Вместо этого она сказала:

– Ты совсем как ребенок. Давай спать.

Отвернувшись от зеркала, он сказал с нетрезвым самодовольством:

– Старина Прингл ничего так. Совсем неплох.

4

Якимов обнаружил, что его одежду вычистили, отгладили и сложили на кровать. Передевшись, он надел один черный и один коричневый ботинок. На вечеринке кто-нибудь обязательно обратит на это внимание, и тогда он удивленно взглянет себе на ноги и скажет: «Вы не поверите, дорогой мой, дома у меня осталась точно такая же пара».

Он считал это одним из самых тонких своих розыгрышей и не прибегал к нему со времен смерти милой Долли, приберегая его на более счастливые времена. Теперь же он чувствовал, что в его жизни началась белая полоса и может случиться всё что угодно.

Одевшись, он еще некоторое время сидел и перечитывал письмо, над которым трудился в настоящий момент. Письмо было адресовано его матери. Он уже сообщил ей, как его найти, и попросил как можно скорее выслать его содержание. Он сообщил, что занимается важной волонтерской работой в военных интересах, но не стал вдаваться в подробности, чтобы она не переоценила его благосостояние.

После продолжительных размышлений он взял карандашный огрызок и дописал, чтобы порадовать ее: «Сегодня вечером я собираюсь на прием к княгине Теодореску». Обычно он уставал после первого же предложения, но в нынешнем своем настроении он продолжил писать. Некоторые слова выходили у него очень крупными, другие – совсем мелкими, но все было написано четко и разборчиво, как у старательного ребенка. «Всего наилучшего, старушка, и не вешай нос. Твоему Яки снова повезло».

Ощущая удовлетворение от выполненного дела и предвкушая удовольствие, он отправился вниз, чтобы встретиться с князем Хаджимоскосом.

Этот день выдался удачным. Якимов был доволен; такого довольства он не испытывал со времен смерти Долли, после которой остался без гроша. Поспав днем, он спустился в гостиничный бар, знаменитый Английский бар, где, как и надеялся, встретил знакомого. Это был английский журналист Галпин.

Увидев Якимова, Галпин стал смотреть в другую сторону, но Якимова этого не смутило: он встал прямо перед журналистом со словами: «Приветствую, в прошлый раз мы виделись в Белграде!» – и, не успев Галпин ответить, добавил: «Что вы пьете?» Что бы Галпин ни собирался произнести вначале, в итоге он лишь что-то проворчал и сказал:

– Скотч.

Галпин был не один. Когда Якимов с улыбкой огляделся, намереваясь спросить, что пьют окружающие, они закрылись, как устрица, которая сжимает створки раковины вокруг жемчужины. Он рассказал о встрече с Маккенном; рассказ был встречен вежливым вниманием.

– Только подумайте, друзья, – сказал он. – Ваш бедный старый Яки – и вдруг аккредитованный военный корреспондент!

– А вы передали историю Маккенна? – спросил Галпин.

– Естественно. До последнего слова.

– Ему повезло.

Галпин мрачно заглянул в пустой стакан.

Якимов настоял, что закажет всем еще выпить. Журналисты приняли его угощение, после чего заговорили между собой. Перед его приходом они обсуждали прибытие в Бухарест Мортимера Тафтона и теперь вернулись к прерванному разговору. У Тафтона был нюх на события, говорили они. Куда бы он ни приехал, там что-то происходит. Якимов был забыт, но его это не смущало. Он был счастлив, что вновь может угощать других. После такого знакомства можно было надеяться на то, что эти люди не будут с ним слишком грубы.

Исторгнутый компанией журналистов, он столкнулся с местными завсегдатаями, которых привлекла щедрость Якимова. Они смотрели на него с восхищением. Он позволил им

представиться: Чичи Палу, граф Игнотус Хорват и князь Хаджимоскос. Если в улыбке Якимова и присутствовала легкая снисходительность, заметить ее было очень сложно. Он понимал, что именно эти люди – подобающая ему компания, и не предполагал, что они питают хоть какие-то иллюзии на его счет. И всё же ему было приятно выступить в роли их покровителя. Он заказал им выпить. Они заказали виски, как того требовала мода: это был самый дорогой напиток в баре.

– Потом мне надо будет спешить, – сказал Якимов. – Я сегодня ужинаю с моим другом Добби Добсоном, который служит в миссии.

Услышав это, глава троицы, Хаджимоскос, сказал:

– Не хотели бы вы, *mon cher prince*, поприсутствовать сегодня ночью на небольшой вечеринке, которую устраивает княгиня Теодореску в своем номере? Вы встретите там настоящих румынских аристократов. Это вовсе не те политики и парвеню, которые притворяются *beau monde* в наше время. Мы так любим англичан.

Якимов просиял в улыбке:

– Буду счастлив, дорогой мой.

* * *

Бар закрывался в полночь. Якимов уговорился встретиться с Хаджимоскосом в главном зале, где напитки подавали до тех пор, пока находились желающие их заказывать.

В центре комнаты на столе, стоявшем под самой большой люстрой, лежали экземпляры всех приличных английских газет. Рядом Хаджимоскос сгорбился над позавчерашним выпуском «Таймс». Как сообщил Добсон, Хаджимоскос был последним представителем одной из семей греческих фанариотов¹⁵, которые управляли Румынией в годы Османской империи. Низкорослый и худой Хаджимоскос выглядел странно мягкотелым, словно его одежда скрывала не плоть и кости, а вату. Он носил детские черные тапочки самой искусной работы и теперь бесшумно заскользил в них к Якимову и взял его руки в свои маленькие белые ладони.

– Как радостно снова видеть вас, *cher prince*, – пролепетал он. Его лицо было покрыто старушечьей сеточкой морщин и всё же сохраняло некоторую детскость, узкие маленькие темные глаза были налиты кровью, череп восково просвечивал сквозь тонкие черные волосы.

Мужчины выжидающе смотрели друг на друга, пока Хаджимоскос не отвернулся и не сказал со вздохом:

– Я счастлив был бы вас угостить, но, к несчастью, забыл бумажник.

– Дорогой мой! – Якимов вдруг вспомнил, что он здесь главный. – Это я должен вас угостить. Чего бы вам хотелось?

– Виски, конечно. Ничего другого я не пью.

Они уселись на один из гобеленовых диванов, и Якимов заказал выпивку. Хаджимоскос склонил голову, словно хотел поделиться постыдным секретом, и заговорил:

– Так неловко, что я забыл деньги. Княгиня наверняка захочет, чтобы мы играли в *chemin*¹⁶ или что-то вроде этого. Я так люблю эти игры. Не могли бы вы, *mon cher prince*, одолжить мне несколько тысяч?

Якимов смотрел на него с сожалением и беспокойством.

¹⁵ Фанариоты – греческая элита в Османской империи. Название объясняется тем, что вплоть до начала XX века они селились в районе Фанар в европейской части Константинополя.

¹⁶ Одна из разновидностей баккара – карточной игры, в которой игроки стремятся набрать как можно больше очков, имея в своем распоряжении две или три карты.

– Я бы с радостью, дорогой мой, но ваш бедный старый Яки сейчас живет в кредит. Валютное урегулирование, сами понимаете. Не смог ввезти сюда ни лея. Жду содержания от бедной моей матушки.

– О-ля-ля! – Хаджимоскос покачал головой и осушил стакан. – В таком случае нам лучше отправиться на вечеринку.

Лифт вознес их на верхний этаж. На площадке стоял гостиничный слуга и провожал гостей в гостиную княгини Теодореску. В лифте Хаджимоскос молчал; теперь же, когда ошеломленный жарой и запахом тубероз Якимов попытался взять его под руку, он ускользнул. Якимов остановился в дверях. От выпитого за вечер у него всё плыло перед глазами. Ему казалось, что комната, освещенная черными и золочеными свечами, уходит в траурную бесконечность. Пол напоминал пропасть, хотя и оказался вполне прочным. Осознав, что ступает по черному ковру, а стены и потолок выкрашены в черный и потому не видны, он почувствовал себя увереннее и зашагал вперед. Завидев Хаджимоскоса в центре комнаты, он попытался срезать путь и тут же наткнулся на черное бархатное кресло. Несколько женщин привлекли всеобщее внимание к его падению своими искусственными взвизгиваниями.

– Хаджи, cheri! – воскликнул кто-то экстатически, и в воздухе возникла голова на шее, так напряженно вытянутой вперед, что на ней вздулись жилы. Лицо это казалось изношенным, но не от возраста, а от непрерывного веселья.

– Княгиня, – неистово прошипел Хаджимоскос.

Якимов поднялся на ноги и был представлен.

– Enchantée, enchantée!¹⁷ – вскричала княгиня. Что-то пролетело перед носом у Якимова. Осознав, что это была рука в черной перчатке, он попытался ухватить ее и поцеловать, но рука уже исчезла. Прибыл очередной гость.

Якимов обернулся, но Хаджимоскос тоже исчез. Оставшись в одиночестве в центре комнаты, Якимов осмотрелся в поисках выпивки. Когда глаза его привыкли к темноте, он начал различать позолоченную мебель, но остальные гости виделись ему лишь в виде кистей рук и лиц. Ему вспомнились сеансы Долли, на которых эктоплазма сочилась между черными занавесями кабинета медиума.

Чувствуя, что устал и не понимает, что делать, он осторожно преодолел несколько метров, хватаясь за мебель, пока не наткнулся на официанта с подносом. Обнюхав стаканы, он собирался уже взять виски, как вдруг его внимание привлекли высокие бокалы.

– О, да это же шампанское, – сказал он. – Будьте так добры.

Вновь заулыбавшись, он продолжил осторожно двигаться по комнате. Хаджимоскос разговаривал с двумя очаровательными барышнями. Приближаясь, Якимов услышал, как он рассказывает:

– Представляете, один ботинок черный, а другой – коричневый! Я еще в лифте заметил. Барышня помладше громко охнула, а та, что постарше, заметила:

– Les Anglais! Ils sont toujours saoul!¹⁸

При виде Якимова злорадное выражение на лице Хаджимоскоса угасло, и он расплылся в улыбке.

– А вот и вы, mon cher. – Он сжал руку Якимова. – Позвольте мне представить вас моим очаровательным подругам. Княгиня Мими и княгиня Люли. Фамилии излишни.

Мими, младшая, была по-детски очаровательна. Старшая выглядела болезненно-бледной и осунувшейся, улыбалась редко и неохотно. Они позволили ему поцеловать им руки, после чего молча принялись его разглядывать. Не выпуская руку Якимова, Хаджимоскос разразился чересчур бурным потоком слов:

¹⁷ Очень приятно! (франц.)

¹⁸ Англичане! Вечно они пьяны! (франц.)

– Я как раз говорил, что нам надо обязательно – чуть позже, разумеется, когда мы будем в настроении, – поиграть в одну чудесную игру. «Белоснежка и семь гномов»! Mon cher, я настаиваю, чтобы вы были гномом!

– Боюсь, из меня плохой игрок, дорогой мой.

– О, это необычная игра. Мы сами ее придумали. Мы выбираем красивую девушку – Мими, скажем, или Люли – и назначаем ее Белоснежкой. Затем мы выбираем семерых мужчин, они будут гномами. Они выходят из комнаты и снимают с себя всю одежду. Белоснежка остается в комнате и тоже снимает всю одежду! Затем они по одному заходят в комнату, и их встречает Белоснежка. В зависимости от их реакции мы даем им имена: Весельчак, Соня, Ворчун и так далее.

– И Чихун! – вмешалась Мими и тут же зажала себе рот обеими руками.

– Обещайте, – снова сжал Якимову руку Хаджимоскос, – что будете гномом!

Якимов нервно отступил.

– Только не я, дорогой мой. От меня в таких делах мало толку.

– Как это печально, – серьезно сказал Хаджимоскос, отпустил его руку и, извинившись, заскользил к дивану, на котором расположилась княгиня Теодореску в обнимку с юношей с большими рыжими усами. Якимов услышал шепот Хаджимоскоса: «Он сказал: „От меня в таких делах мало толку“». Его это не смутило. Он привык к тому, что его цитируют.

Вдруг Мими заговорила по-французски – словно механическая куколка, которую завели. Якимов говорил по-французски не хуже, чем по-английски, но этот румынский французский привел его в замешательство. Ему удалось понять, что она говорит о мужчине, который стоял неподалеку от них, – некоем бароне Штайнфельде, который, похоже, оплачивал эти апартаменты. Несмотря на это, княгиня была без ума от какого-то Фокси Леверетта, тогда как барон был complètement¹⁹ не в фаворе. Девушки склонились друг к другу, и Якимов отошел, радуясь, что на этот раз смеются не над ним.

В результате он оказался рядом с бароном, который вежливо поприветствовал его, оскалив большие желтые зубы. Якимов представился.

– О, дорогой князь, разумеется, я наслышан о вас, – сказал барон. – Великая фамилия. Ваш отец был конюшим у царя, верно?

– Не буду лгать, дорогой мой, так и было.

Якимов тут же пожалел о сказанном. Барон так напряженно ожидал его ответа, что всё это напоминало какую-то проверку. Вдруг его сочтут самозванцем и выставят прочь? Но барон, расплывшись в улыбке, всего лишь спросил:

– Вы давно знаете княгиню?

– Мы только сегодня познакомились. Меня привел Хаджимоскос.

– А!

Штайнфельд кивнул, после чего уважительно заговорил о старинном происхождении княгини, причем эта тема явно доставляла ему удовольствие.

– Среди ее предков были дакийские цари, – сказал он. – Она может проследить свой род до Децебала, который разбил римлян²⁰!

– В самом деле? – Якимов вполуха слушал Штайнфельда, одновременно высматривая официанта, который мог бы подлить ему шампанского.

– Молдавские поместья Теодореску были великолепны, но теперь... Заложены и профуканы. Всё пропало! Эти румыны думают, что могут жить в Париже или Риме, а земли будут процветать сами по себе. Так глупо, но так обаятельно!

¹⁹ Совершенно (франц.).

²⁰ Дакия – государство на территории современной Румынии в I веке до н. э. – начале II века н. э. Децебал – первый царь дакийцев.

Барон придвинулся ближе.

– Мое поместье в Бессарабии прекрасно содержится. Мы, немцы, конечно, не столь обязательны, но мы знаем, как делать дела. Я произвожу собственное красное вино, белое вино, *тиса* и мартины. Мартины продается в магазинах. Король продает его в собственном магазине – мартины Штайнфельда. Роскошное!

– По итальянским рецептам? – спросил Якимов, делая над собой некоторое усилие.

– Разумеется, – ответил барон. – Виноград, травы, рецепты – всё как полагается.

Когда барон в очередной раз набрал воздуха в грудь, чтобы продолжить свою речь, Якимов произнес:

– Мне нужна добавка, дорогой мой.

Ускользнув, он очутился в безлюдной приемной, где стоял стол с закусками.

Еда была нетронута: гостей еще не приглашали к ужину. Застыв, словно при виде сокровищ, Якимов пробормотал: «Батюшки-светы!»

Перед ним был ряд жареных индеек с нарезанными грудками, два окорока, запеченные с тростниковым сахаром и ананасами, лангусты, лосось под майонезом, несколько видов паштета, три сорта икры, несколько разновидностей заливного, засахаренные фрукты, причудливые пудинги, гроздья тепличного винограда, ананасы и малина. Всё это было разложено на серебряных подносах и украшено белыми катлеями.

Дрожа, словно умирающий с голоду, Якимов набросился на еду. Он зачерпнул себе целую ложку икры и дочиста ее облизал. Самая соленая икра понравилась ему больше остальных, поэтому ее он съел еще три ложки. Ухватив несколько ломтей индейки, словно хлеб, он нагнул свою тарелку лососем, заливными куропатками, паштетом, курятиной в сливках, не забывая складывать в рот анчоусы, оливки и сладости. Когда тарелка была заполнена целиком, Якимов жадно принялся за еду. Прежде чем он перешел к десертам, его прервали чьи-то шаги – очень легкие, почти невесомые. Он виновато обернулся и увидел Хаджимоскоса.

– Что-то я слегка проголодался, – пояснил Якимов.

– Прошу! – разулыбался Хаджимоскос и приглашающим жестом обвел еду, но Якимов счел нужным отказаться:

– Благодарю, дорогой, мне как раз достаточно.

Он с сожалением отставил тарелку.

– Тогда возвращайтесь к гостям. Мы как раз собираемся играть в баккара. Все будут играть. У нас как минимум два стола. Давайте же! Мы не позволим вам остаться в одиночестве.

Слово «баккара» пробудило у Якимова воспоминания о неизбывной скуке в казино, куда его вечно таскала Долли.

– Не беспокойтесь, дорогой мой, мне и так хорошо, – ответил он, приглядываясь к пирожкам, которые лежали на подогреваемой тарелке. Не в силах устоять, он схватил один пирожок и сунул его в рот – на язык ему хлынула раскаленная лава из грибов в сырном соусе. Из глаз его потекли слезы.

Смех Хаджимоскоса напоминал шипение. Он ощерился, обнажив свои мелкие, белые, неубедительные зубы. На секунду он сделался похож на маленькую злобную пуму, но тут же продолжил свои уговоры:

– Княгиня без ума от этой игры. Она не простит мне, если я вас не приведу.

– Я же говорил вам, дорогой, у вашего бедного Яки нет ни единого лея. Пока не пришло содержание, я пуст.

– Здесь кто угодно даст вам денег в долг, – сказал Хаджимоскос.

– Да и правил я не знаю.

– Это дело нескольких секунд.

Якимов со вздохом бросил прощальный взгляд на буфет и впервые заметил, что над ним висит портрет какого-то старого боярина – видимо, представителя славной семьи Теодореску.

На нем был гигантский меховой тюрбан, вышитая туника и меховая же мантия. Белые изящные руки покоились на расшитом кушаке, а большим пальцем вельможа придерживал рукоятку богато инкрустированного камнями кинжала.

Якимов был поражен – не всеми этими атрибутами богатства, но лицом вельможи: длинным, мертвенно-бледным, с редкой бородкой и злобным взглядом из-под тяжелых век.

Он позволил увести себя обратно.

Над двумя овальными столами включили свет. Слуга тасовал карты. За одним из столов собралось около дюжины человек, и еще несколько стояли за стульями. Никто не спешил присоединиться к игре. Княгиня и рыжий Фокси Леверетт по-прежнему пребывали в объятиях софы. Другие парочки разлеглись по темным углам. Барон, всё так же ухмыляясь, стоял неподалеку от стола, но на таком расстоянии, что было ясно: играть он не собирается.

Хаджимоскос еще раз сходил к княгине и вернулся с пачкой бумаг. У хозяйки болит голова, объявил он, поэтому он будет банкиром. Размер банка составлял двести тысяч леев. Он улыбнулся Якимову:

– Видите, *mon cher*, мы тут играем по-маленькому. Много не проиграете. Сколько вам дать фишек?

Якимов вдруг вспомнил, что крупье получает пять процентов от банка, и сделал последнюю попытку сбежать:

– Вам же нужен будет крупье, дорогой мой, может быть, бедный старый Яки...

– Я буду крупье, – ответил Хаджимоскос. – Это традиция. Ну что, сколько фишек?

– Давайте на пару тысяч, – сказал Якимов, смиряясь со своей участью.

Хаджимоскос рассмеялся.

– Каждая стоит пять тысяч! На меньшие суммы мы не играем.

Якимов взял пять фишек и написал расписку на двадцать пять тысяч леев. Хаджимоскос занял свое место за декой и принял самый серьезный и деловой вид. Поначалу игра шла именно так, как Якимов и предполагал: банк уверенно рос, игрок справа иногда выигрывал. Якимов, который сидел слева, то и дело передавал право сыграть своему соседу. Несмотря на это, за десять минут он проиграл двадцать тысяч. Он уже смирился с тем, что сейчас всё проиграет, но на последней фишке ему выпали семерка и двойка. В следующем раунде они по указанию Хаджимоскоса открыли карты, и игрок справа показал короля и даму, а Якимов – шестерку и двойку. Когда в следующей руке у него обнаружили девятка и десятка, зрители начали на него ставить, и он приободрился. Ему даже в баккара удастся выигрывать! Раньше такого никогда не было. Свой выигрыш он употребил на то, чтобы повысить ставки.

По мере того как стопка фишек рядом с Якимовым росла, манеры Хаджимоскоса становились всё холоднее и резче. Он стремительно раздавал карты и с неодобрительным видом подвигал к Якимову его выигрыши. Его лицо, обыкновенно круглое, словно личико японской куклы, становилось всё длиннее и худее, пока не стало напоминать лицо вельможи с портрета. Вдруг он подхватил деку с колодами и ударил ей об стол, после чего безо всяких признаков его обычного лепета объявил, что банк сорван.

– Мне надо поговорить с княгиней, – сказал он и убежал, после чего вернулся с известием, что княгиня отказывается пополнять банк.

– *Mon cher Baron*, умоляю вас, – обратился он к барону.

– Вы же знаете, что я никогда не даю займы, – ответил барон, сверкнув зубами.

Неудивительно, подумал Якимов, что он *complètement* не в фаворе.

Хаджимоскос отправился упрашивать других, пока Якимов, сидя за столом с грудой фишек, мечтал только обменять их на деньги и уйти. Надежды на это было мало, поэтому он продолжал сидеть. К нему украдкой подошел морщинистый человечек, у которого так тряслись руки, что он с трудом держал карты.

– Cher Prince, вы меня наверняка помните, я Игнатус Хорват, мы виделись в Английском баре. Я хотел узнать... – Сухонькая ручка Игнатуса, напоминавшая ветку дерева, поползла к фишкам Якимова. – Небольшой заем. Всего тысяч десять...

Якимов дал ему фишки, после чего услышал чей-то голос с другой стороны. Опасливо обернувшись, он был встречен пронизательным взглядом пожилой худой дамы, которая наклонилась к нему, с трудом пытаясь быть очаровательной.

– Мне сегодня не везет... – начала она. Тут Якимова схватил за руку Хаджимоскос, тем самым дав ему повод отвернуться.

– Мне ужасно жаль, топ cher. Я вынужден к вам обратиться.

Якимов был готов к этому.

– Я могу взять банк, – сказал он.

Хаджимоскос выглядел потрясенным.

– Это невозможно, – ответил он. – Это всегда делает княгиня.

Понимая, что он либо проиграет фишки, либо раздаст их, Якимов передал весь выигрыш Хаджимоскосу.

– Передохну немного, – сказал он, и никто не стал удерживать его.

Официант обносил собравшихся бокалами с вином. Якимов попросил виски, но его не оказалось. Выпивка заканчивалась. Пора было уходить, но он так обессилен, что не мог даже дойти до своей комнаты. Он решил выпить еще, чтобы взбодриться, устроился с бокалом на диване и заснул.

В середине ночи его бесцеремонно разбудили. Его тянули за руки сразу несколько человек, включая Хаджимоскоса. Напуганный и полусонный, он вдруг понял, – не веря своим глазам, – что все гости оголились и совокупаются друг с другом по кругу. Он потерянно оглядывался в поисках спасения: может быть, его соплеменник, Фокси Леверетт, придет на помощь? Но Леверетта было не видеть.

Стащив с него одежду, его втащили в круг, насмехаясь над его длинным, тощим телом. Женщина сзади барабанила по его ягодицам, а женщина спереди жаловалась на его вялость. Остаток ночи он уныло возился вместе со всеми, одетый лишь в носки и ботинки – один черный и один коричневый.

5

Назавтра в полдень Гарриет стояла на университетской лестнице, перед которой цыгане торговали цветами. Корзины были так плотно набиты жесткими сезонными цветами, что напоминали стожки сена. Среди великолепия гладиолусов, хризантем, канн, георгинов и тубероз порхали, словно тропические птички, цыганки и окликали прохожих:

– Эй, *domnule! Frumosă. Foarte frumoasă*²¹. Двести леев... только для вас, только для вас сто пятьдесят! Для вас всего сто! Всего пятьдесят!

Прохожие непреклонно шествовали мимо, и вслед им неся протяжный крик, отчаянный, словно паровозный свисток в ночи: «*Domnule... domnule!*» – но стоило появиться новому пешеходу, как крики вновь набирали силу. Торговля шла пронзительно и драматично. Если покупатель решал прибегнуть к крайней мере и уйти, то цыганка семенила за ним следом и, высокая, худая и яркая, в окружении голубеподобных румынок напоминала фламинго или журавля.

Цыганки щеголяли в старых вечерних платьях, которые покупались в лавках подержанных товаров, расположенных у реки. Они обожали яркие краски, рюши и легкий шифон. Со своими буйными шевелюрами, бесстыдным смехом, в розовых, сиреневых, лиловых и изумрудных одеждах, они выглядели воинствующей оппозицией идеалам румынского среднего класса.

Наблюдая за цыганами, Гарриет увидела, как между ними появилась Софи и начала яростно торговаться над корзиной поменьше. Когда сделка была завершена, Софи поднялась по университетской лестнице и приколола букетик пармских фиалок к поясу платья и еще один – к груди. Вдруг она энергично замахала, и Гарриет, которая стояла в стороне, вне поля ее зрения, обернулась и увидела в дверях Гая. Софи бросилась к нему:

– Я сказала себе, что встречу тебя тут, и встретила! Всё как раньше!

Ее печали, какими бы они ни были, и война – всё было позабыто.

Увидев жену, Гай сказал:

– А вот и Гарриет.

Его слова были простой констатацией факта, но Софи усмотрела в них предостережение. Она ахнула, прижала к губам палец, огляделась в поисках Гарриет, а увидев ее, изобразила равнодушие. Когда Гарриет подошла к ним, Софи утешающе улыбнулась Гаю. Пусть он не винит себя за это неудобство в лице жены, говорила ее улыбка.

– Вы идете обедать, да? – спросила она.

– Мы собирались прогуляться по парку Чишмиджиу, – сказал Гай. – Наверное, там же и пообедаем.

– Что вы! – воскликнула Софи. – В Чишмиджиу в такую жару просто невыносимо. И там такое ужасное дешевое кафе.

Гай с сомнением взглянул на Гарриет, ожидая, что она предложит поменять планы, но Гарриет просто улыбнулась.

– Мне очень хочется в парк, – сказала она.

– Пойдем с нами? – спросил Гай Софи. Когда она принялась жаловаться, что это невозможно, что сейчас слишком жарко и у нее разболится голова, он успокаивающе пожал ей руку. – Тогда давай завтра поужинаем. Мы идем к «Капше».

Когда они перешли дорогу, направляясь к парковым воротам, Гарриет обратилась к мужу:

– Мы не можем себе позволить каждый вечер ужинать в дорогих ресторанах.

²¹ Эй, господин, красиво, очень красиво (*рум.*).

– Мы так выигрываем на черном рынке, – ответил он, – что можем иногда сходить к «Капше».

Гарриет оставалось только гадать, понимает ли он, что можно, а что нельзя позволить себе на двести пятьдесят фунтов в год.

Какой-то крестьянин привез в город целую телегу дынь и разложил их у входа в парк. Он заснул, устроившись между ними, прикрыв глаза рукой. Здесь были дыни всех размеров; самая маленькая не превышала величиной теннисный мячик.

– Никогда раньше не видела столько дынь, – заметила Гарриет.

– Это Румыния.

Дынное изобилие произвело на Гарриет отталкивающее впечатление. Ей вдруг привиделось, что вся эта пылающая золотистая масса вовсе не инертна, что на самом деле дыням присуще всевозрастающее коварство, и если оставить их без присмотра, то однажды они захватят весь мир.

Услышав голоса, крестьянин проснулся и предложил им купить самую большую дыню за пятьдесят леев. Однако Гаю не хотелось таскать ее с собой, и они покинули облако дынного запаха, тут же оказавшись в облаке землистого аромата парка. Гай повел Гарриет по боковой дорожке, куда выходили окна квартир. Указав на террасу на первом этаже, он сказал:

– Тут живет Инчкейп.

Гарриет с завистью рассматривала кованные стулья на террасе, каменную вазу и розовую пеларгонию.

– Он живет один?

– Да, если не считать его слуги Паули.

– А нас туда пригласят?

– При случае. Он не любит принимать гостей.

– Странный он человек, – сказала она. – Такой нетерпеливый и тщеславный – что за этим кроется? Чем он там занят наедине с собой? В нем чувствуется какая-то тайна.

– Живет своей жизнью, как и все мы, – ответил Гай. – Тебе-то какое дело?

– Это естественный интерес.

– Что же интересного в частной жизни окружающих? Нам должно быть довольно того, что они сами хотят нам показать.

– Мне это интересно. Тебя занимают идеи, меня – люди. Если бы ты больше интересовался людьми, то меньше бы их любил.

Гай не ответил. Гарриет полагала, что он размышляет над ее словами, но, когда он заговорил снова, стало ясно, что он вовсе не думал об услышанном. Он рассказал, что Чишмиджиу раньше был личным садом какого-то турецкого водного инспектора.

Весенними и летними вечерами парк ярко освещался и был невероятно красив. Крестьяне, которые приезжали в город в поисках справедливости или заработка, находили здесь убежище. Они спали тут во время сиесты или часами любовались *tapis vert*²², фонтаном, прудом, павлинами и старыми деревьями. Порой проходил слух, что король намеревается закрыть парк. Об этом говорили с горечью.

– И что, закроет? – спросила Гарриет.

– Не думаю. Ему от этого никакой пользы. Просто все уже привыкли ожидать от него худшего.

В пыльном свете последнего жаркого дня года зелень выглядела пожухлой и какой-то осенней. Воздух застыл. Надо всем навис полдень. Просторный *tapis vert*, окруженный шестами с гирляндами, обсаженный каннами и самшитом, выглядел не вполне реально и напоминал вылинявшую театральную декорацию. Как и предсказывал Гай, то тут, то там попадались

²² Газон (букв. зеленый ковер) (франц.).

группки крестьян, но большинство из них устроились в тени и спали, спрятав лицо от невыносимо яркого солнца.

Всё вокруг словно источало жару. Казалось, что клумбы с каннами – сернисто-желтые, кадмиевые и алые – вот-вот затрещат, словно угли в камине. Гарриет остановилась у георгинов. Гай поправил очки и принялся разглядывать цветы – крупные, шипастые, пушистые, львиноподобные, бордовые, лиловые и белые, пыльные, тяжелые, словно бархат.

– Неплохо, – сказал он наконец.

Посмеявшись над ним, Гарриет заметила:

– Похожи на придумку какого-то сумасшедшего декоратора.

– В самом деле!

Гай так редко смотрел на окружающий его мир, что поначалу был ошарашен такой критикой природы, но затем обрадовался.

Они спустились к пруду. Прозрачная вода была скрыта за густыми кронами прибрежных деревьев. Дорожка упиралась в небольшую каштановую рощицу, на краю которой стоял заброшенный домик. Здесь любой крестьянин, располагавший хоть каким-то товаром, мог начать многотрудное восхождение в сословие торговцев. Один мальчик выстлал коробку розовой бумагой и разложил на ней рахат-лукум, словно шахматные фигурки. Здесь было не больше двадцати кусочков рахат-лукума. Если бы ему удалось их все продать, он мог бы купить двадцать два новых. С каждым кусочком покупателю полагался стакан воды.

– Люди едят только ради того, чтобы порадовать себя питьем, – сказал Гай.

Рядом стоял мужчина с весами. У другого была накрытая капюшоном камера: тут можно было сфотографироваться на паспорт или на разрешение для работы, покупки телеги, торговли за прилавком, временного пребывания в одном городе или путешествия в другой.

Завидев Принглов, некоторые крестьяне, до того лежавшие на земле, поднялись и поправили подносы с маковыми кексами, кренделями, спичками и другими мелочами, а также орешками для голубей. Гарриет купила орешков, и голуби тут же слетелись к ней с деревьев. За этим наблюдали стоящие неподалеку крестьяне – они смотрели застенчиво, не доверяя происходящему вокруг. Они только недавно прибыли в город и были одеты в тесные суконные штаны, короткие куртки и островерхие шапки, – так одевались еще во времена римлян. Женщины носили вышитые блузки и плиссированные юбки куда более глубоких и изящных оттенков, чем цыганские наряды. Заработав первые деньги, они избавлялись от этих простонародных атрибутов и наряжались в городское тряпье.

Три девушки, наряженные в конфетно-розовое, сливово-красное и бутылочно-зеленое платья, позировали фотографу. Казалось, что они украсили себя к ярмарке или фестивалю, но при этом так сутулились, словно их продавали в рабство. Увидев, что Принглы наблюдают за ними, девушки неловко отвернулись.

Проходя мимо крестьян, Гай и Гарриет ободряюще улыбались, но эти улыбки становились всё более натянутыми по мере того, как до них доносился исходящий от крестьян запах. Беда с предубеждениями в том, что они зачастую небезосновательны, подумала Гарриет, понимая, однако, что с мужем этим соображением лучше не делиться.

Дорожка вела к кафе, которое стояло на пирсе. На этом шатком, обветшавшем помосте были расставлены грубо сделанные стулья и столы с бумажными скатертями. Доски скрипели и прогибались, а в щелях виднелась грязная вода.

Принглы устроились за столиком, стоявшим на солнце. Горячий воздух густо пах водорослями. Деревья на дальнем берегу плавались в знойном мареве. Время от времени по пруду проплывала весельная лодка, и вода плескалась об опоры пирса. К Принглам подбежал официант и вытащил из внутреннего кармана жирный, заляпанный листок. Меню оказалось коротким – здесь редко ели. Сюда по вечерам приходили рабочие, чтобы остыть и выпить вина или

тійса. Гай заказал омлеты. Укрывшись в хижине, служившей кухней, официант включил радио в честь появления иностранцев. Из репродуктора над дверью полился вальс.

Как и говорила Софи, кафе оказалось дешевым, но с претензией. Объявление гласило, что посетителей в крестьянской одежде здесь не обслуживают. Крестьяне и не пытались выйти на пирс – умели они читать или нет. Собачье смирение подсказывало им, что это место – не для них.

В кафе было еще несколько мужчин. Кряжистые, в жарких темных костюмах, они сидели рядом с кухней, в тени каштанов.

Сидя на самом солнцепеке, Гай снял пиджак, закатал рукава рубашки и положил на стол загорелые руки, чтобы они стали еще немного темнее. Он лениво вытянул ноги и огляделся: спокойная вода, спокойное небо, всеобщий покой. Некоторое время они сидели молча и слушали музыку, плеск весел и стук каштанов по жестяной крыше кухни.

– Где сейчас война? – спросила Гарриет.

– Если по прямой, то примерно в трехстах милях. Когда мы поедем домой на Рождество...

– А мы поедем?

Ей сложно было в это поверить. При мысли о Рождестве ей представлялась какая-то крохотная, далекая картинка, словно пейзаж в снежном шаре. Где-то там таился «дом» – ну или просто Англия. Дом для нее не был чем-то конкретным. Вырастившая ее тетушка уже умерла.

– Если накопим денег, можем даже полететь.

– Если мы хотим обзавестись своим домом, нам надо начинать копить, – заметила она.

– Наверное.

– А мы ничего не накопим, если будем всё время ходить по дорогим ресторанам.

Услышав это неприятное заключение, Гай отвернулся и спросил, знает ли она, как называется музыка, которую сейчас передают по радио.

– Какой-то вальс. Дорогой...

Он поймал ее за руку.

– Нет-нет, погоди, – настойчиво сказал он, словно она пыталась отвлечь его от важного дела. – Где я ее слышал?

– Да где угодно. Расскажи мне про Софи.

Гай ничего не ответил, но принял безропотный вид.

– Вчера ночью она сказала, что у нее депрессия из-за войны, – сказала Гарриет. – Только из-за войны?

– Наверное.

– И твоя женитьба тут ни при чем?

– Да нет. Нет, конечно. Она уже давно забыла об этой идее.

– То есть идея всё-таки была?

– Ну, понимаешь... – Гай говорил непринужденно – возможно, чтобы скрыть неловкость. – Ее мать была еврейкой, а сама она работала в антифашистском журнале...

– То есть ей был нужен британский паспорт?

– Ее можно понять. Мне было ее жаль. И не забывай, мы с тобой еще не были знакомы. Несколько моих друзей женились на девушках, которые вели антифашистскую деятельность, чтобы вывезти их из Германии...

– Но они гомосексуалы. Это было обычное соглашение. Пары расстались, как только зарегистрировали брак. А ты бы оказался привязан к Софи на всю жизнь.

– Она сказала, что мы могли бы сразу развестись.

– И ты ей поверил? Безумец.

Гай неловко рассмеялся.

– Между прочим, не поверил.

– Но позволил ей себя уговаривать. И, возможно, согласился бы, если бы не встретил меня? Так ведь? – Она глядела на него так, словно он вдруг превратился в кого-то другого. – Если бы меня спросили перед свадьбой, я бы поклялась, что выхожу замуж за вечную твердь. А теперь мне кажется, что ты способен на что угодно.

– Да ладно тебе, – запротестовал Гай. – Я не хотел на ней жениться, но надо же соблюдать вежливость. Что бы ты сама сделала на моем месте?

– Сразу же отказалась бы. Зачем усложнять себе жизнь попусту? Но со мной бы она на такое не осмелилась. Она поняла, что меня не провести, и сразу же меня невзлюбила. С тобой же ей что угодно сойдет с рук.

– Милая, не будь так сурова. Она неглупа, говорит на полудюжине языков...

– Ты давал ей займы?

– Ну да. Несколько тысяч.

– И что, она их вернула?

– Ну... она не рассматривала это как заем.

Гарриет не стала углубляться в этот вопрос и просто сказала:

– Я не хочу видеться с ней каждый вечер.

Гай потянулся через стол и взял ее за руку.

– Милая, ей грустно и одиноко. Ты же можешь себе позволить проявить доброту.

– Возможно, – сказала Гарриет не вполне искренне. Она решила не продолжать разговор.

Они уже покончили с омлетом и ждали кофе, когда Гарриет увидела, что из воды на пирс, стараясь не попадаться на глаза официанту, выбрались двое маленьких попрошаек. Мальчик постарше, прячась под столами, добрался до Принглов. Уцепившись за край стола своей птичьей лапкой, грязный, мокрый и ободранный, он завел обычную песню: «Mi-e foame!»

Гай протянул ему несколько мелких монет. Мальчик бросился прочь, и тут же его место занял тот, что помладше, и, переминаясь с ноги на ногу, начал что-то неразборчиво рассказывать. Глаза его были вровень с краем стола. Гай отмахнулся, поскольку монет больше не было, и мальчик пригнулся, словно уворачиваясь от удара, после чего продолжил ныть. Гарриет предложила ему кусок хлеба, потом оливку и сыр. Эти подношения были проигнорированы, и плач продолжился.

Через несколько минут Гарриет раздраженно покопалась в сумке и обнаружила шестипенсовик. Ребенок выхватил его и умчался. Вокруг наступил прежний покой, который бывает, если вас окружает вода, а не земля. И тут радио умолкло. Внезапная тишина казалась такой напряженной, что Гарриет принялась оглядываться, ожидая, что сейчас что-то произойдет. Из репродуктора зазвучал резкий голос.

Мужчины рядом с кухней выпрямились. Один вскочил на ноги. Упал чей-то стул. Голос продолжал вещать. Из кухни вышел официант, а за ним повар в грязных штанах и фуфайке. Тот, что вскочил на ноги, что-то крикнул, и официант закричал в ответ.

– Произошло вторжение? – спросила Гарриет.

Гай покачал головой.

– Что-то про Кэлинеску.

– Кто это?

– Премьер-министр.

– А почему все так разволновались? Что сказал диктор?

– Не знаю.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, старший попрошайка проскользнул под самым носом у официанта и теперь настойчиво кланчил, понимая, что у него мало времени. Официант подошел к перилам и что-то крикнул лодочнику. Тот крикнул ему в ответ.

– Он говорит, что в Кэлинеску выстрелили, – сказал Гай. – Объявили, что он то ли умирает, то ли уже умер. Надо идти в Английский бар. Туда стекаются все новости.

Они покинули парк через боковые ворота, где стояла статуя опального политика с головой, накрытой мешком. Торопливо пройдя по переулкам, они вышли на главную площадь, где уже торговали экстренным выпуском газет. Люди выхватывали их друг у друга, а прочтя первую строчку, бросали под ноги. Площадь была усеяна газетными листами, которые слегка колыхались под дуновениями горячего ветра.

– Его убили на птичьем рынке, – сказал Гай, засунув газету под мышку.

К ним резко повернулся какой-то мужчина и заговорил по-английски:

– Говорят, что «Железную гвардию» распустили! А теперь еще и это! Теперь может быть всё что угодно. Понимаете? Всё.

– И что это значит? – спросила Гарриет, пока они торопливо шагали по площади.

– Что немцы что-то замышляют, видимо. Сейчас узнаем.

Но Английский бар – темные панели, пальмы в латунных горшках – был удручающе пуст. Из высоких окон на пол падали лучи света, придавая помещению игрушечный вид. Видимо, еще недавно здесь было полно народу, поскольку в воздухе висели клубы табачного дыма.

Гай обратился к Альбу – мрачному, трезвому парню, которого в Бухаресте считали идеальным воплощением английского бармена:

– Куда все делись?

– Ушли посылать новости, – ответил Альбу.

Гай раздраженно нахмурился и спросил Гарриет, что она будет пить.

– Подождем, – сказал он. – Они вернутся. Это центр информации.

6

Крики газетчиков на площади заставили Якимова на верхнем этаже гостиницы кое-как пробудиться от сна.

Когда он накануне протянул клерку свой паспорт подданного Великобритании, его спросили, не желает ли он, чтобы по утрам его будили чашкой чая «на английский манер». Он ответил, что не желает, чтобы его вообще как-либо будили, но просит по утрам ставить рядом с его кроватью маленькую бутылочку «Вдовы Клико». Открыв глаза, он увидел перед собой ведро со льдом и был крайне рад его присутствию.

Час спустя, выкупавшись, одевшись и перекусив холодной курятиной, он спустился в бар, уже забитый людьми. Якимов заказал виски, выпил его и тут же заказал еще. Немного придя в себя, он медленно повернулся и принялся разглядывать собравшихся.

Журналисты толпились вокруг Мортимера Тафтона, который сидел на краю стула, сжимая набалдашник трости бурными руками в старческой гречке.

– Есть новости? – спросил Галпин, завидев Якимова.

– Что тут скажешь, вечеринка удалась.

– Надо думать, – сказал Галпин. – Адская вечеринка. И всё по старому сценарию: кто-то внутри поднимает бучу, и эти твари вмешиваются, чтобы навести порядок.

Якимов некоторое время глядел на Галпина, пытаясь найти с ответом, после чего промолвил:

– Совершенно верно, дорогой мой.

– Даю им сутки.

Галпин стоял, привалившись к барной стойке. Это был тощий мужчина в тесном костюме, с гнусавым, раздраженным голосом. Разговаривая, он беспрерывно потирал лицо – брюзгливое и желтое, как у типичного любителя виски. Живот у него был впалый, а жилет – мятый, грязный и усыпанный пеплом. Края манжет потемнели от грязи, воротничок измялся. Он посасывал мокрый окурок, а когда он говорил, этот окурок прилипал к его полной нижней губе и подрагивал на ней. Он уставился на Якимова; глаза у него были цвета шоколада, а белки лимонно-желтые.

– Двадцать четыре часа. – Голос его звучал агрессивно. – Вот увидите.

Якимов не стал с ним спорить. Его тревожили не только слова Галпина, но и атмосфера в баре. В воздухе ощущалось всеобщее недовольство.

– Вы ведь слышали про Миллера из «Эха»? – спросил вдруг Галпин высоким, возмущенным голосом.

Якимов покачал головой.

– Он сразу же сел в автомобиль и отправился в Джурджу²³. Может, и не добрался, конечно, но, по крайней мере, он не сидит здесь взаперти, словно в мышеловке.

Галпин, очевидно, не ставил себе целью ввести Якимова в курс дела: ему просто надо было выговориться. Позволив себе оглядеться, Якимов увидел молодую чету Прингл, с которыми познакомился накануне. В самой стати Гая Прингла, в его спокойном лице, в глазах за стеклами очков было что-то успокаивающее. Якимов подобрался к нему поближе и услышал:

– Не представляю, чтобы немцы добрались досюда. Русские переместились в Восточную Польшу. Они уже у границы с Венгрией!

– Дорогой мой, – вмешался Галпин, пытаясь замаскировать свою тревогу презрительной интонацией, – нацисты пройдут сквозь русские войска, как горячий нож сквозь масло.

Гай приобнял за плечи свою жену и заглянул в ее напряженное, усталое лицо.

²³ Джурджу – город на юге Румынии.

– Не волнуйся, – сказал он ей. – Мы в безопасности.

В бар зашел седой, бледный человечек весь в сером, казавшийся бесплотным, рассыпаясь в извинениях, протолкался между журналистами, вручил Галпину телеграмму и что-то зашептал ему. Когда человечек ушел, Галпин объявил:

– Мой информант сообщил, что немецкое посольство утверждает, будто у них есть доказательства того, что убийство было организовано Британией, чтобы подорвать нейтралитет Германии. Смешно.

Он открыл телеграмму.

– Это, впрочем, тоже: «Эхо» сообщает об убийстве, точка, где новости, точка, спишь, вопросительный знак. Значит, Миллер таки выбрался! Молодчина Миллер! А нам – шиш.

– Вместе всё же безопаснее, – заметил Тафтон. – А всем нам это бы не удалось. Толпой такое не провернешь.

Под шумок Якимов шепотом обратился к Гаю:

– Дорогой, а что всё-таки произошло? Кого убили?

В этот момент настала тишина, так что шепот прозвучал неожиданно громко. Галпин повернулся к Якимову и возмущенно спросил:

– Так вы что, не понимали, о чем речь?

Якимов помотал головой.

– Вы не слышали об убийстве? Не знали, что граница закрыта, международные линии перерезаны, нам не позволяют посылать телеграммы и никому не дают покинуть Бухарест? Вы что же, дружище, не знаете, что вам грозит смертельная опасность?

– Да что вы говорите, – произнес Якимов и украдкой огляделся в поисках сочувствия. Не встретив его, он попытался изобразить интерес. – И кто же кого убил?

Журналисты даже не попытались ему ответить. Гай вмешался и объяснил, что убили премьер-министра.

– Перед его автомобилем выехали какие-то юноши, заставили его остановиться. Когда он вышел, чтобы узнать, что случилось, его застрелили. Он умер на месте. Потом убийцы захватили радиостанции и заявили, что он умирает или умер. Они и сами не знали.

– Его напиговали свинцом, – перебил Галпин. – Он привалился к дверце автомобиля – эти его розовые ручки, полосатые брючки, новенькие лаковые ботинки. Потом съехал на землю. Ботинки покрылись пылью...

– Так вы сами это видели?

Якимов восхищенно уставился на Галпина, но тот не смягчился.

– Были очевидцы, – сказал он. – А вы-то где были? Пьяным валялись?

– У меня была тяжелая ночь, – признался Якимов. – Ваш бедный старый Яки только что проснулся.

Тафтон нетерпеливо заерзал.

– Господь любит дураков, – сказал он. – Мы там торчали, а он отсыпался.

В бар вошел гостиничный клерк и объявил, что телеграммы можно отправить с Центрального почтамта. Когда журналисты повалили наружу, Якимов вообразил, что его испытание закончено, и как раз собирался заказать себе еще выпивки, как вдруг Галпин схватил его за руку.

– Я вас подвезу, – сказал он.

– Вы знаете, дорогой, я думаю, мне сегодня лучше не выходить. Я не в лучшей форме.

– Вы собираетесь работать или нет? Поехали.

Глядя на сердитое, черствое лицо Галпина, Якимов не осмелился отказаться.

Когда они оказались на почтамте, Якимов написал на бланке: «С сожалением сообщаю об убийстве...» – после чего так долго думал, как пишется «премьер-министр», что посети-

тели схлынули, и они снова остались вдвоем с Галпином. Тот мрачно взглянул на Якимова и спросил:

– У вас уже готова история? Кто за этим стоит и так далее?

Якимов покачал головой.

– Не имею ни малейшего понятия, дорогой мой.

Галпин неодобрительно поцокал языком и сказал уже дружелюбнее:

– Давайте я вам помогу.

Он взял авторучку и набросал длинное письмо, которое подписал «Маккенн».

– Отправка будет стоить около трех тысяч, – сказал он.

Якимов был в ужасе.

– Но у меня нет ни единого лея.

– Ну ладно, в этот раз я вам одолжу, но вы должны иметь при себе деньги на телеграммы. Международную связь могут закрыть надолго. А теперь бегите к Маккенну.

* * *

На следующее утро, спустившись к завтраку, Якимов увидел Галпина, выходящего из бара с канадцем по имени Скрюби. Подозревая, что они охотятся за новостями, Якимов попытался скрыться, но было поздно: Галпин уже его увидел.

– На Курином рынке светопреставление, – сообщил Галпин таким тоном, словно хотел порадовать Якимова. – Поехали, мы отвезем вас на старом «форде».

Якимов отшатнулся.

– Присоединюсь к вам попозже, дорогой мой. Мне надо заморить червячка. Пойду угощусь чем-нибудь.

– Ради всего святого, Якимов, – сказал Галпин неприятным голосом. – Я друг Маккенна и не позволю его надувать. Займитесь своей работой.

Он ухватил Якимова за руку и потащил в автомобиль.

По Каля-Викторией они доехали до реки Дымбовица. Якимова усадили на неудобное заднее сиденье. Галпин, очевидно довольный его послушанием, обращался к нему через плечо:

– Вы же слышали уже, что убийц поймали?

– В самом деле?

– Ну да. «Железная гвардия», как я и говорил. Это всё немцы: им нужен был предлог, чтобы вломиться и навести свой порядок, но они не учли, что вмешаются русские. А русские-то им помешали! Немцы не смогли их преодолеть. Но гвардейцы этого не поняли. Они-то думали, что сейчас придут немцы, и они будут героями. Никто их и пальцем не тронет. Даже прятаться не стали. Их нашли еще до того, как тело остыло, и казнили ночью.

– Но как же король, дорогой мой?

– О чем вы?

– Вы же сказали, что он сказал, что доберется до Кэлинеску.

– А, это долгая история. Вы же знаете, что творится в этих Балканских странах.

Галпин высунул голову из окна.

– Напряжение спало, – заметил он.

Скрюби окинул прохожих знающим взглядом и подтвердил, что напряжение действительно спало.

– Большинство здесь, конечно, предпочло бы, чтобы на границе были немцы, а не русские, – заметил Галпин и указал в окно. – Посмотрите-ка на эту жирную скотину. Сразу видно, что он за немцев.

Якимов выглянул в окно, практически ожидая увидеть двойника Геринга, но увидел обычную утреннюю толпу румын, желающих подкрепиться шоколадными пирожными.

– Что-то мне нехорошо, – пробормотал он со вздохом. – От голода какая-то слабость. Но никто не обратил на это внимания.

Они пересекли трамвайные пути и выехали на улицу, которая спускалась к реке. Галпин припарковал автомобиль на набережной, и Якимов увидел огромную очередь, которая вилась по рынку, словно кишечник. Он преисполнился надежды. Даже Галпин сочтет такую толпу чрезмерной.

– Дорогой, нам же тут весь день придется стоять, – сказал он.

– У вас же есть карта? – резко спросил Галпин. – Так идите за мной.

Он уверенно зашагал сквозь толпу, держа повыше карточку, которая подтверждала его привилегированное положение. Никто не пытался его остановить. Крестьяне и рабочие расступались перед ним, а Скрюби и Якимов следовали за ним по пятам.

В центре рыночной площади отгородили участок, который охраняли с дюжину полицейских в грязно-голубых мундирах. Увидев Галпина, они встали по стойке смирно. Один из них осмотрел его удостоверение, притворившись, будто понимает, что там написано, после с чего с важным видом освободил ему место для осмотра. Перед ними были трупы убийц.

Якимов не переносил не только жестокость, но и самый вид ее последствий, поэтому держался в сторонке, пока Галпин не приказал ему подойти. Он с отвращением взглянул на тела, опасаясь, что после этого не сможет есть.

– Их просто выбросили из грузовика, – сказал Галпин. – Сколько их здесь? Вижу четверых... пять-шесть, кажется.

Они напоминали груды тряпья. Одно из тел пошевелили ногой, и стали видны голова и рука; залысина на голове напоминала тонзуру. Лицо было прижато к земле. Ноздря и глаз, что были видны, покрывала запекшаяся кровь, губы также слиплись от крови. Рука, потемневшая и высохшая под солнечными лучами, была вытянута, словно в мольбе о помощи. Кровь стекла по рукаву на мостовую.

– А этот был еще жив, когда его выбросили, – заметил Галпин.

– Откуда вы знаете, дорогой мой? – спросил Якимов, но ответа не получил.

Галпин снова просунул ногу под ограждение и, пошевелив еще одно тело, перевернул его лицом вверх. По щеке проходил глубокий порез. Открытый рот почернел от кровавой рвоты.

Галпин и Скрюби принялись писать что-то в блокнотах. У Якимова блокнота не было, но это было неважно: в голове у него всё равно было пусто.

Когда они вернулись в автомобиль, он спросил Галпина:

– Дорогой мой, я неважно себя чувствую, не найдется ли у вас при себе фляжки?

Вместо ответа Галпин завел мотор и помчался на почту. Им выдали бланки для телеграмм, но, когда Галпин попытался отослать сообщение, выяснилось, что связи опять нет. Якимов испытал облегчение, так как ему удалось нацарапать всего три слова: «Убийц поймали, и...»

– Не привык я к такому, – простонал он с совсем уж остекленевшими глазами. – Необходимо промочить горло.

– Нас ждут на обед для прессы, – сказал Галпин. – Там всё будет.

– Но меня не приглашали, – ответил Якимов, чуть не плача.

– Ну, карта же у вас есть? – спросил Галпин, теряя терпение. – Так поехали же, ради бога.

* * *

Трепеща, словно старая лошадь в предчувствии стойла, Якимов следом за всеми отправился в заброшенное здание, которое вернули к жизни и сделали министерством. По выложенному изразцами коридору они прошли в высокую узкую комнату, где в самом деле обна-

ружили заставленный блюдами буфет. Этот буфет был отгорожен шнуром, а перед ним стояло несколько рядов жестких стульев, на которых рассаживались журналисты.

Большинство присутствовавших приехало в Бухарест в связи с убийством, и теперь они скромно устроились в задних рядах. Только Мортимер Тафтон и Инчкейп, которого назначили британским пресс-атташе, сели впереди. Тафтон положил трость на три стула, которые их разделяли, и помахал Галпину, чтобы тот сел рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.